Инфер 6

Автор:
Дем Михайлов

Инфер 6

Дем Михайлов

Инфериор #6

Глобальный мир-убежище Формоз.

Место, где был рожден Атолл Жизни.

Место, где началось все это дерьмо.

Место, что может хранить в себе ответы на многие вопросы.

Ради доступа к заблокированному умирающему миру Формоз Оди без колебаний вернулся в родные стальные подземелья, где люди похожи на забитый в трубы податливый пластилин…

Дем Михайлов

Инфер 6

Глава первая

Шлюха блевала, стоя на карачках над бетонной канавой с позеленелым дном. Полуголая, кожаные ремни глубоко вдавливаются в полное тело, рваные колготки свисают с ляжек длинными лоскутами, мало чем отличаясь по виду от полоскающихся в канаве темных волос.

– Вот это, я понимаю, баба! – восхищенно осклабился орк, вцепившись в покосившийся столб со здоровенным красным фонарем. – Командир! Можно я ей помогу?

– Проблеваться?

– И это тоже!

– Мы там, – не поворачиваясь, я ткнул большим пальцем через плечо и не промахнулся, судя по тому, как мученически наморщилась рожа Рэка, пытающегося прочесть название:

– Потеки… сладости?

Пришлось все же повернуть харю и взглянуть. Мы находились на улице, где по одной стороне тянулись бордели, а по другой – питейные заведения. Улица называлась Блудо-авеню, находилась на граничащей с Мутатерром окраине Дублина и считалась грязной свалкой никчемных гоблинских душ, где достойному бойцу и просто жителю делать нечего.

– Левее, – поправился я, по достоинству оценив приторно-розовое обрамление входа в «Потеки сладости» с этими самыми сочными потеками, намалеванными щедрой кистью.

Выбранный мной бар выглядел настоящей грязной дырой, судя по избитой ногами двери и лаконичной надписи «Бухло» на кирпичной бурой стене, столь же щедро, как и справа, украшенной потеками, но уже не розовой краски, а желтой подсыхающей блевоты.

– Понял, – кивнул Рэк, протягивая мне свой рюкзак с закрепленным оружием. – Переползу улицу где-то через пару часов, командир.

– Ага.

– Эй! Жирная! Тебе помочь встать, чтобы я тебя положил и трахнул?

– ЫГВ-В-В-В-ВЫЫЫ-Е-Е-Е…

– Люблю сочных баб с огоньком… – прорычал нагнувшийся над шлюхой орк. – Каппа! Помнишь Уголек? Давай со мной! Вспомним старое!

Каппа с каменным ликом отвернулся и шагнул к бару. За ним последовала лучница со столь же идеальной осанкой. Если в невозмутимости их лиц и можно было что прочитать, то только матерное.

– Отдохнем, – хмыкнул я и покосился в сторону, где улица заканчивалась, упираясь в недостроенный Риториками Бездны участок стены. – Подождем, когда всколыхнутое нами дерьмо чуть успокоится.

– Придет покупатель, – подтвердила наемница и перепрыгнула лужу рвоты. – Предложит то, предложит се, намажет словесным повидлом, капнет медку, нарисует нам высокие горизонты богатого будущего, если мы не облажаемся с как всегда крайне важным поручением… но ведь мы не продаемся, лид?

– Мы не продаемся, – подтвердил я.

– Свобода – высшая ценность! – пропела Ссака и небрежным ударом локтя снесла с ног потянувшегося к ее груди вывалившегося из бара пьяного мужика. – Дома для свободных, дома для рифтовых!

Я вздрогнул, услышав эти слова.

– Вспомнил… я вспомнил! Та часть домов Мутатерра с плавными обводами углов и окон, что тянулись вдоль каньона…

– Острова Свободы же, – удивленно зыркнула на меня нордическая Ссака, перешагивая через полумертвое тело обнаженной девки. – Про них столько сладких песенок спели, что до сих пор скулы сводит.

– Да… да… Острова Свободы…

– До моего прихода в ВестПик они еще плавали как оплывшие клецки в ядовитом бульоне. Но населения на них стало куда меньше. И тут такое…

– Острова Свободы?

Идеальный по степени громкости и выражающий лишь легкую заинтересованность голос подала лучница, продолжающая держаться за спиной Каппы. Мечник же по привычке удерживал позицию за моим правым плечом… и получается, что я тащил за собой хвост, в свою очередь шагая за взбудораженной Ссакой. Хорошо, что Рэк отчалил в бордель, соблазнившись блевотной девкой – а то так бы и шагал впереди меня.

Ответить на вопрос лучницы никто не успел – миновав странный кишкообразный коридорчик, мы ввалились в небольшой длинный зал без окон. Мрачные кирпичные стены не украшало ничего кроме редких пятен, в воздухе витал запах кислятины и дерьма, а сидевшие у самого входа крепкие парни подорвались с таким грозным видом, на ходу доставая ножи, что будь я послабже духом – обосрался бы поди. Но я слабым не был и лишь с искренней теплотой во взгляде вопросительно глянул на первого шагнувшего к нам. Секунда… и тот уронил жопу обратно на вделанную в пол стальную лавку, заодно опуская лицо к стаканам. Ножи исчезли тогда же, но это не устроило Ссаку, что наклонилась над столом и, перевернув пластиковый стакан с бухлом на штаны тому громиле, ласково заметила:

– Еще раз пукан от лавки оторвешь – и я его тебе порву также, как тебя папаша твой порадовал на выпускной. Поняла, красавица моя?

– Да мы думали, это чмомперсы…

– Да мне посрать на твою думалку, упырок. Я же тебе пукан рвать буду, а не думалку твою гнилую… Оторвете жопы от лавок – пристрелю к херам!

– А в сортир…

– Ссыте под себя, хрерососы. Или в рот друг другу. О! За это дам бонус – отпущу главного любителя уринотерапии…

Лязгнувший пистоле в руке наемницы и ее застывшие побелевшие глаза заставили ушлепков напрячь булки, чтобы нагнести побольше вакуума и присосаться к лавкам понадежней.

К этому моменту я уже прошел дальше, нацелившись на пустующий угол зала – всего занято четыре столика из двух десятков – и Ссаке пришлось чуть ускориться, чтобы снова обогнать меня и шугануть нечто опухшее, вонючее, хрипло молящее о стакане на опохмел за наше здоровье и пусть мутанты сдохнут.

Упав на лавку со стальной спинкой, я продолжил скорее излагать для самого себя, а не отвечать на вопрос лучницы.

– Острова Свободы – плавучие города, что не подпадали под государственную юрисдикцию. Об этих островах орали со всех экранов, одно время рекламируя их так рьяно, что дымились не только динамики, но и жопы слушающих. Тематические города… зеленые города… автономные города… как их только не называли.

– Три четверти этих поплавков принадлежало Россогору! – добавила усевшаяся напротив Ссака. – С них все и началось. У них ведь до самого конца работала их стержневая идея – современному гоблину ни к чему цепляться за собственную землю, ни к чему куда-то якориться. Наоборот – оставайся свободным вахтовым работником или фрилансером, а Россогор обеспечит тебе все остальное. Помните их рекламу? Да они, блин, так сочно эту житуху показывали, что мне самой хотелось все бросить, завербоваться на вахтенную работу и, как пелось в той рекламной песне, доверить судьбу Россогору… А помните ту первую их эпичную кругосветку, что превратилась в кружащий вокруг планетного шарика маховик – вечная кругосветка, вечное движение за бортом, никаких пересадок пассажиров – их вместе с каютами и рекреационными зонами перекидывали с лайнеров на дирижабли или на поезда. А поезда вообще главная фишка Россогора! Как они там себя еще рекламировали? Уже два миллиарда гоблинов в вечном движении?

– Вообще к нам с пушками нельзя, господа и дамы, – осторожно оповестила нас обшарпанная барная стойка.

– Высунься, – велел я.

– Да мне и на полу хорошо, сэр. Прохладненько… руки держу далеко от дробовика…

– Подними жопу с пола. Нам на стол бутылку нормального самогона… компот есть?

– Стрелять не будете?

– Нет.

– Тогда компот возьму у розовых соседей! Из сухофруктов, правда.

– Пойдет.

– Вам компот с блестками? Пить прикольно, срать весело…

– Без, – поморщился я. – Обычный компот, самогон, жареного мяса.

– У нас не ресторан, сэр. Есть затхлый арахис…

– Нам жареного мяса две здоровенные тарелки, – повторил я. – Можно больше. Свежак. И чтоб мясо было с жирком и аж пальцы обжигало.

Высунувшийся из-за стойки лысый мужичок с огромными оттопыренными ушами понятливо кивнул:

– Желание понятно… у меня у самого аж слюни зашкворчали… но если не найду…

– Добудь.

– Место знаю. Мясник знаком. Вопрос в цене…

– За это не переживай, – буркнул я, и поймавший мой взгляд бармен окончательно расслабился и закивал в два раза чаще:

– Вот теперь все уяснил как дважды пять семнадцать жоп, сэр. Компот без блесток, горячее жареное мясо, холодный, как ваш взор, самогон и… упаковку не столь уж затхлого поджаренного лично мной арахиса?

– Давай.

– Последний вопрос, сэр. Охапку зеленого лука сверху бросить? Дорого, но вкусно.

– Бросай.

– Отличный выбор, сэр!

– Я гоблин. Гоблин Оди.

– К-хм… последний вопрос, Оди… я тут кручусь один, но мне придется отлучиться за мясом и жаровней…

– Ничего не пропадет, – за меня ответила Ссака. Глянув на притихших за своим столом громил, наемница добавила: – И никто не уйдет не заплатив.

– Так, может, мне закрыться? – еще осторожней спросил бармен, появившись из-за стойки и оказавшись росточком чуть выше метра. – Приватный вечер только для боевых товарищей… или вы ждете гостей?

– Время покажет, – усмехнулся я. – Компот первым делом.

– Моментом рявкну на соседей. Еще могу достать напитки утробного живого брожения. Одна пузатая красотка с милым личиком и огромным пузом рожает отменное бренди с отчетливыми фруктовыми нотками. Но девочка дорогая и свои пьянящие выделения задешево не продаст… а вот за особую сумму может разрешить испить прямо из крантика и прямо во время соития…

– Еще раз предложишь мне такое дерьмо и…

– А я молчу, Оди. Я молча бегу к мяснику, где врублю свое красноречие и заставлю его зарезать самую молодую жаберную овцу…

Бармен исчез за дверью, успев почти бросить на стол заставленный стаканами поднос и полную бутылку самогона. Глядя, как Каппа взялся разливать самогон, а Хорхе расставляет стаканы, в то время как привалившийся к углу Рокс устало прикрыл глаза, я медленно прокручивал в голове всплывшее подобно куску дерьма в мозговой пульпе воспоминание…

Гигантские плавучие города, выстроившись в длинную цепь, медленно входят в зону охраняемого мелководья, что уже на территории первой штаб-квартиры Атолла Жизни, к тому времени переехавшей, а эта зона превратилась в почти замкнутый стенами колоссального купола испытательный полигон постройки первого глобального убежища… Я помню тот вечер Эпохи Заката… багровое больное солнце, солнечная буря, гигантские свинцовые волны с коричневой нездоровой пеной, мертвые здания плавучих городов, и лишь в некоторых окнах тускло горит свет, где уже не скрываются редкие обитатели, вцепившиеся в подоконники и завороженно смотрящие на медленно открывающиеся гигантские врата в стене купола…

Хлопнула дверь, прогрохотали шаги, и из коридорчика опять высунулся бармен.

– Я Шмякос, кстати! Но дело в другом… Ты тот самый Оди? Про которого на перекрестке девки визгом захлебываются? Чужак Оди, что вытащил отряд Риториков из ловушки?

– И?

– И то, что овца на самом деле будет молодой и свежей, а компот без единой блестки, что однажды уже была использована… – выставив в бар руки с оттопыренными большими пальцами, Шмякос медленно убрался обратно в коридор, откуда через секунду послышались его удаляющиеся шаги и вопль:

– Быстрей компот сюда, блестки вы жопные! Сахару не жалеть!

– Шмяксик… солнышко мое тупенькое… не охерел ли ты часом – голос на главную красотку улицы повышать? АХ! – плаксивый мужской голос прервался, хлопнула дверь, а я опять вернулся мыслями к плавучим островам, что…

– Мы так душевно извиняемся, – прохрипели от столика громил, в то время как остальные посетители дружно сместились к дальней стене вместе с бутылками и оживленно перешептывались, заодно демонстративно держа руки на столах.

– Куда делись Острова Свободы? – ожила Ссака, опрокидывая в себя первую дозу. – Ух! Хор-рошо, с-сука! Хорошо!

– Часть островов была затоплена, – ответил я, продолжая вспоминать. – Оставшиеся были направлены сюда. Они вошли внутрь строящегося Формоза в то время, когда с другой его стороны уже вливался поток переселенцев. Ты в те времена еще наемничала, охраняя атомные электростанции и фермы ветряков. А острова один за другим вставали на мелководье длинными рядами… тот каньон… Тракт Добра… это был канал. Все острова планировалось превратить в единый гигантский зеленый эко-город с почти полной автономией. Это был аналог прибрежных городков – как во Франциске в городах и селениях добросов.

– То есть Мутатерр не планировался?

– Ни хера он не планировался, – покачал я головой. – Тут должна быть огромная полуводная зона с водными дорогами, стенными садами, огородами на крышах и счастливыми гоблинами, растящими детишек. Уже готовая продвинутая инфраструктура плавучих городов позволяла все это сделать с минимальными затратами. К тому же все острова были построены Россогором и не было проблем с совместимостью – совпадали все мелочи, не говоря о крупняке. Часть секторов чисто водная – от хребта до хребта – с зонами общего пользования. Вода – жилой массив – вода – жилой массив. Рыбоводство, фермерство, моллюски, тонны съедобных полезных водорослей и никаких сучьих авокадо… Там, где сейчас находится Дублин-5 и его потенциальные соседи, должно было находиться кольцо полутропического леса, что отделило бы прибрежную полосу, заодно служа источником ягод, грибов, фруктов, поглощая при этом углекислый газ и выделяя кислород.

– И где лес?

– В жопе, – проворчал я. – Весь этот мирок в жопе…

– Но вместо леса тут город…

– Да, – кивнул я. – Формоз был первым миром-убежищем и в нем были протестированы наработки Россогора. А Россогор славился своими умениями передвигать невероятные по масштабу массивы. В дальнейших убежищах от этого отказались, но там применялись иные тестовые наработки. Мы всегда искали лучшие варианты…

– Погоди. Россогор славился умением передвигать невероятные массивы чего? Данных?

– Массивы мира, – усмехнулся я. – Формоз – это наполовину стабильная структура, особенно в центральной области, но наполовину это паззл из одинаковых кусочков. Часть колоды можно перетасовать, меняя облик мира.

– Нахрена?

– Все та же фишка Россогора, – ответил я. – Новый день – новый вид за окном! Надоело жить в родной деревне рядом с горным пиком? Назавтра проснетесь – а деревушка вместе с полями, рощами и садами оказалась у берега лесного озера… Но чтобы проделать такой фокус с переделкой мира… надо иметь особые полномочия. Не знаю, кто это сделал, но он нарушил структуру мира. Внешнее кольцо защитного леса ушло куда-то… а вместо этого на окраину были отброшены города вроде Дублина. Раз у этого Дублина пятый номер… Кстати – по внешней стороне, пронизанной тропинками лесной зоны, тянулся закольцованный водный путь…

– Тот самый Гнойный Каньон, что ты мирно форсировал по пути сюда?

– Ага, – кивнул я. – Он самый. Его оставили на месте, превратив в резервацию…

– Компот! – торжественно объявил влетевший в бар Шмякос, в каждой руке держа по здоровенному прозрачному кувшину с мутной бурой жидкостью. – Сладкий! Сейчас принесу еще! Про овцу я уже рявкнул, мясник учтиво вякнул – и все решено. Уже режем и пластаем, господа и дамы! Режем и пластаем!

– А че ты такой услужливый, Шмякос? – не удержалась наемница от логичного вопроса. – Или травануть нас всех решил? И награду срубить за наши головы…

– Травануть?! – выпучился бармен, едва не выронив кувшины. – Да вы что, прекрасная леди? Втяните сосков острия! Я лишь комочек говна в жерновах городских фракций и на посмертные лавры киллера не претендую…

– Тогда чего так рад за Риториков? В их мутных рядах служит твой жопный ублажитель? – поинтересовалась Ссака, благосклонно глядя на невысокий «комочек говна», что справился с душевным потрясением и поставил кувшины на стол, не расплескав. – Твоя длинная ночная отрада, которую ты…

– Вам бы замуж, леди, – вздохнул Шмякос, и пока поперхнувшаяся Ссака откашливалась, он успел вставить еще пяток фраз: – Они встряли за меня в разборку. Вот почему я за Риториков всей душой! Я тут двоих хренососов пристрелил. Я обычно мирный, но они совсем уж края попутали – набухались моим пойлом, не заплатили, а затем попытались поставить меня на бабло! Револьвер ржавый на меня наставили! Ну я и…

– Обрезом? – я глянул на барную стойку.

– Им родным. Поочередно из каждой ноздри чихнул по разу… и образовались две кучи кровавого говна.

– Причем тут Риторики? – голос Сссаки зазвучал как вынимаемый из ножен тесак.

– Говорю же – встряли они за меня.

– Против кого?

– А! Я ж не сказал – только я этих двух губошлепов угомонил, как явились Лезвия! Малая группа из шести бойцов и каждый с бритвой. Злые. Орущие. Наехали на меня они жестко. Я разом виноватый во всем стал.

Тараторящий бармен успел за это время пару раз смотаться за барную стойку, каждый раз принося что-то новое. В третий заход он со стуком поставил на наш

стол небольшую электроплитку с витым полосатым шнуром, уходящим к углу. На плитку встала чугунная немалая сковорода, куда Шмякос вывалил полный контейнер влажного и чуток позеленелого арахиса. Сверху он поспешно высыпал пакетик черного перца, следом пару ложок соли и чуть ли не пригоршню какой-то сыпучей красной хрени, продолжая при этом тараторить:

– Риторики вступились за Шмякоса! Защитили. А главное что? А то, что они за это ничего не потребовали! Ни единого песо с бедной барной крысы! Вот это – люди! Человеки! И я – тоже человек! Вот что нас роднит в этом ублюдочном городе, слепленном из постапокалиптичного кирпича и современного дерьма! И вы – люди!

– Не-е-е-е… – возразила Ссака и удивительно умело перемешала полугнилой арахис в глубокой сковороде. – Мы гоблины! И на вас, людей, нам насрать! Включая Риториков! Сдохли бы – и посрать!

– Но ведь вы спасли… так говорят…

– Спасли, – подтвердил Хорхе и указал на меня почернелым пальцем. – Сеньор команданте дал слово. Слово дал – слово сдержал. Риторики живы. Арахис потрескивает. Еще бы пару половников густого рагу… но сойдет и мясо.

– Коменданте… – с уважением присвистнул Шмякос, ставя на стол еще одну бутылку примерно трехлитрового объема. – Звучит серьезно. Или команданте? Я в этих званиях не очень…

– А не посрать? – удивилась Ссака. – Будь гоблином, гоблин – не вдавайся в сраные детали!

– Я человек!

– С хера ли? Особенный, что ли? Выпей-ка с нами, человек.

– А овца?

– Подождет твоя овца, – буркнул Каппа, протягивая бармену стопку.

– Да не отравлено, господа! И дамы! Но выпью.

Махом опрокинув стопку, Шмякос с шумом выдохнул, зачерпнул щепотку горячих орешков и закинул в пасть. Шипя от ожогов языка, утирая заслезившиеся глаза, он прошамкал:

– Мама моя так выпить порой любила. Стограммовый пакетик острого арахиса и литр самопального виски за вечер употребляла душевно, после чего брала какую-нибудь палку и начинала меня херачить почем зря, причитая про свое загубленное мной ублюдышем ее шикарное тело элитной экскортницы… Вранье, конечно. Мамочка моя всегда была дешевой шлюхой. Но кто из девушек не мечтал быть принцессой? А элитная экскортница чем не принцесса? Ведь их не только трахают, а еще и по ресторанам водят… вот ты, воин, – Шмякос взял еще одну полную стопку, опрокинул в себя и, хрустя раскаленным арахисом, пришлепывая обожженными губами, поинтересовался у Ссаки: – Ты бы хотела быть дешевой трущобной давалкой?

– Охерел?

– Вот! Видишь? И ты тоже мечтаешь быть дорогой сосалкой, а не дешевой давалкой. И ты мечтаешь быть принцессой на потных атласных простынях…

– Че?! Где?!

– Ну, ты рада завязанному диалогу? – поинтересовался я, цепляя за края стопку и задумчиво глядя на испускающий темноватый дымок арахис.

– Шмякос, сука! Я тебе сейчас всю сковороду арахиса в задницу утрамбую!

– Я же сдохну! И кто тогда мясо овцы принесет?

– У тебя есть память? – спросил я, пригубив неплохого самогона. – А, Шмякос? Ты помнишь о былых временах?

– Кое-что… есть, знаете ли, средства особые…

– Походу эти средства есть везде, – поморщился я.

– Капли Путарла или же торпеды Дамукла. Советую торпеды! Вставил одну такую хорошую сразу после того, как облегчился и подтерся… и работай себе спокойно в радужной дымке, ожидая мягкого прихода рваных отрывков чего-то из прошлого… я вот теплые детские годы больше припоминаю. И работу свою! Вернее – службу! Призвание! Я из закатных активистов был. До последнего вроде как оставался на одной из сдерживающих кислотную жижу дамб. Я и тяжелый шагоход Добрыня. Вместе мы месили раствор, латали дыры, вбивали столбы… и все бесплатно! Тогда я вроде как еще верил, что планету можно спасти. И вот… не спасли… Помню там рядом какое-то древнее кладбище было для самых важных при жизни… так гробы и надгробные плиты из черной земли с чавканьем вылазили, а между ними двухголовые лебеди облезлые плыть стараются, обожженными лапами грязь взбивая…

– Ну то есть ты понимаешь, где ты находишься? – произнес я и обвел стопкой помещение бара. – Где находится все это.

– Мы в раю!

– Уверен?

– Мы живы, а стало быть, мы избранные. Не помню, как я здесь оказался, но ведь я жив! Владыка пригрела нас на груди своей!

– Уверен, что это район ее груди? – выпив самогон, я черпанул арахиса, с треском раздавил пересоленные острые орешки, что, наверное, моими ровесниками будут.

– Ну, может, у задницы благоуханной пригрела, – развел руками Шмякос и под кивок Хорхе, сцапал еще одну стопку. – Спасибо за угощение! У меня-то весь невеликий навар на торпеды уходит. Могу свести со своим дилером. Он и смазку неплохую подгоняет – воспаленные краешки идеально смягчает. Да еще и холодком в сраку отдает. Торпеда потом входит как родная! Желаете?

– Пошел ты! – буркнула никак не могущая успокоиться Ссака.

– Да все лучше, чем капли в глаза херачить! Они как кислота! Торпеды тоже сраку жгут, но сраку, а не глаза. Я ведь не жопой людям улыбаюсь…

– Мясо, – напомнил я, когда из моего живота раздался утробный рык. – И быстрее…

– Несу! И это… я по понятиям живу. И не стал бы денег просить, раз вы Риториков спасли. Но у меня выплата аренды скоро…

– А ты весь навар на жопные торпеды тратишь, – кивнул я. – Интересный ты… человек… Шмякос.

– Я за мясом! Эй!

Это его изумленно-злобное «Эй!» убедило меня схватиться не за дробовик, а за лежащий рядом револьвер. С такого расстояния промахнуться почти невозможно. Я высадил весь барабан, поочередно всаживая пули в каждую из припавших к полу и прижавшихся к стене двух темных фигур. Шлемы с зеркальными забралами обезличили незваных гостей – такими безликими они и сдохли. В ответ они выстрелили лишь по разу. Двуствольный обрез в руках одного разрядился в верх стены над нами, выбив облачко кирпичной крошки. Второй, уже падая, выстрелил из пистолета, после чего с грюканьем врезался шлемом в пол и забился в корчах. В руке приподнявшегося Каппы дымящийся пистолет, Ссака среагировала мигом позднее, тоже успев поупражняться в стрельбе. Держащийся за левое предплечье Шмякос застыл статуей, что-то с протяжным воем выдавливая из задранной к потолку пасти.

– Уймись, – буркнул я, перезаряжая револьвер. – Ты жив. Все живы. Или торпеду с перепугу из жопы выдавило, и ты горюешь?

– Командир… – по тону Каппы я все понял и так резко крутнул головой, что хрустнула шея.

Рокс так и сидел, устало откинувшись на стену, прикрыв глаза. Вот только теперь в левой стороне его лба появилась аккуратная дырочка с темным потеком, что пересекал седую бровь, прочерчивал левое веко и медленно продвигался по иссеченной морщинами щеке.

– Вот дерьмо, – выдохнула Ссака, вставляя новый магазин в пистолет. – Вот дерьмо!

С трудом оторвав взгляд от умершего гоблина, я вылил в себя стопку самогона, подхватил со стола дробовик и двинулся к коридору, ровным спокойным голосом отдавая приказы:

– Кевин – задняя дверь! Ссака с Хорхе! К Рэку напротив! Если у него кто есть – брать живым! Бойтесь крыш и окон! Каппа! Ты направо! Ты, ты и ты – за мной!

Оттолкнув бармена, я в несколько шагов пересек коридор, автоматически отметив, что у атакующих из экипа только шлемы, а так они в обычной одежде. Ударом ноги открыл дверь и тут же выстрелил в упор в еще одного ушлепка в шлеме. Картечь ударила в шею, перебив, излохматив ее и уронив голову за спину. Сделав шаг, упырок рухнул, и бегущие через улицу Ссака с Хорхе перепрыгнули через него. Выстрел наемницы пробил дыру в животе выскочившего из-за угла гоблина, заставив его заорать и согнуться, роняя из рук блестящие хромом пистолеты. Крутнувшись, я ударил картечью по крыше бара, разнося голову стрелка с автоматом, суматошно дергающего затвор. На этом был броник, зато неприкрыта голова.

Ссака первой нырнула в распахнутую настежь дверь борделя одновременно с тем, как оттуда послышался разъяренный рев орка и звуки выстрелов. Рядом со мной рухнул один из новеньких, а в пяти метрах от него оседали сразу двое, перечеркнутые очередью Каппы. Расплескивая покрасневшую воду, я добежал до угла и прижался к нему. Как только оттуда рывком показался ствол, перехватил его, задрал, одновременно тяня на себя. Приклад дробовика глубоко утонул в широком скуластом лице стрелка, а я, окончательно перехватив оружие, дал длинную очередь вверх, одного за другим скашивая пятерых поднявшихся с дружным воплем хренососов. Трое упали, четвертый всадил ответную очередь в стену рядом со мной, кроша редкие стекла и отмечая пунктиром двери. Последняя пуля нашла свое прибежище в груди выскочившего на шум голого гоблина в розовом жабо, и он, подпрыгивая, куда-то побежал, но упавшая рядом граната прервала его бег, заодно убив еще двоих из наших, а меня заставив рухнуть в лужу и прикрыться бессознательным телом, что пару раз вздрогнуло от попаданий осколков.

– Суки, – выдохнул я, прямо из лужи посылая последний десяток пуль в идущую по улице плотную группу, вооруженную каким-то холодняком. – Гребаные суки…

Из открытой двери борделя вылетел держащийся за красное от крови пузо хреносос. Крутнувшись, он рухнул, случайно прикрыв собой еще одну упавшую с крыши на улицу гранату. Приглушенный хлопок подбросил тело, поставив на ноги и кровавым рваньем вбив в стену, насадив на один из штырей, где оно и повисло окровавленным чучелом. Следующим на улицу вылетел голый Рэк, одной рукой таща за волосы воющую девку в бронике и с кровавыми дырами вместо глаз, а в другой держа гранату. Сориентировавшись, он швырнул подарок в поваленную моими выстрелами толпу и прикрылся продолжающей орать девкой, в то время как в дымящемся дверном проеме показались Ссака с Хорхе, сразу же накрывшие пулями крышу надо мной. Откатившись к стене, я позволил падающим занять мое место в луже и добил их выстрелами в головы.

– ЧТО ЭТО ЗА СРАНЬ?! ЧТО ЭТО ЗА…!!! – прервавшийся дикий перепуганный крик донесся с задней улочки, куда выходила дверь черного входа.

Глянув за угол, я увидел покрытую свежей кровью фигуру Кевина, что на моих глазах буквально открутил голову пойманного им гоблина – на глазах застывшей на бетонке побелевшей девки в стальной кирасе и мини-юбке поверх драных черных лосин. Наклонившись, Кевин протянул руку, и очнувшаяся девка с писком всадила ему в грудь две пистолетные пули. Зомбак едва качнулся, сграбастал писклявую суку за шею и утянул в переулок, другой рукой приоткрывая треснутое окровавленное забрало своего шлема.

Стрельба затихла.

Нападающие кончились.

Перезарядившись, двигаясь машинально, я подобрал оружие, схватил за волосы еще дышащего скуластого ублюдка и волоком затащил его в бар. Приказы отдавать нужды не было – остальные уже собирали оружие, добивали подыхающих, заодно выискивая тех, кто мог бы перед мучительной смертью нам что-нибудь поведать.

Швырнув вскрикнувшего упырка на скамью рядом с продолжающим сидеть мертвым Роксом, я мелкими глотками выпил стопку и на выдохе спросил:

– Кто?

– Лезвия… – проскулил подраненный, пытаясь закрыть дырявыми ладонями кровавые дырки в теле. – Лезвия наняли толпу нашу… подкинули оружия и снаряги…

– Кто? – повторил я, наливая себе остатки из бутылки.

– Кабхар Черная Бритва… он договаривался. Обещал еще песо подкинуть.

– Где он?

– Кабхар? Так в Доме Лезвий! Чуть дальше к центру по соседней улице… Слушай! Просто послушай… ничего ведь личного, а…

Брошенная мной бутылка краем донышка перебила ему челюсть, выбив из пасти долгий булькающий вопль. Упырок подскочил и сам подставил шею рукам подошедшей Ссаки. Легкое привычное движение, влажный хруст, и умерший хреносос рухнул на пол.

– Притащили еще двоих говорунов, сеньор!

– Нужды нет, – не оборачиваясь, отозвался я, и понявшие, что их ждет, пленники взорвались торопливыми мольбами, что сменились хрипением и бульканьем.

– Кабхар сучья бритва, – произнес я, выпивая вторую стопку и не сводя при этом глаз с навсегда затихшего ветерана Рокса. – Из Лезвий. Он нужен мне. И нужен живым.

– Выдвигаемся?

– Выдвигаемся, – подтвердил я вытирающему нож Каппе и поднялся, подхватывая кирасу. – Выдвигаемся…

* * *

К Дому Лезвий я двинулся напрямки, следуя за перепуганным гоблином, пойманным Каппой за шкирку у окровавленного трупа, когда он вытаскивал из

его карманов какую-то мелочь, одновременно щупая виднеющуюся в порванной осколками футболке сиську дохлой девки. Короткий вопрос, сильный удар… и вдохновенный проводник уже торопливо ведет нас узкими проходами между домов с замурованными окнами.

Первое препятствие нас ждет в том, что некогда было зажатым между домами треугольным сквером. Деревья остались – мертвые стволы с обрезанными почти под корень ветвями торчат из желтой стриженной травы. На бетонном пятачке посреди сквера высится крест с перекошенной перекладиной, с которой свисает приколоченный кусок рваного мяса. Нам навстречу торопливо делает шаг субтильный старик, но наткнувшись взглядом на мое застывшее лицо, он с еще большей поспешностью утекает в сторону, спотыкается о край дорожки и падает на траву, где и замирает в позе седого эмбриона. А я на несколько секунд застываю перед тем, что свисает с креста.

– Назидание Владыки! – визгливо кудахчет лежащий старик. – Склоните головы! Помните о грехе! – с каждым новым словом его голос набирает привычную силу и звучность, но тут он возвращается в реальность и опять замолкает.

– Красиво скульптор поработал, – прорычал Рэк, мельком оглядев скульптуру из потемневшего камня. – Девка дохлая: распятая, скальпированная, порубленная и вроде как тесаком трахнутая, что так торчать и остался… да?

– Скульптора тут никогда не было, – проскрежетал я, даже не пытаясь скрыть рвущуюся из груди холодную злобу. – Это точная копия с еще дышащего оригинала, когда я сдернул ее вместе с этой косой перекладиной… Воспроизведено все до мелочи… Отсканировали с видеозаписей? Да посрать! Двигаем дальше!

– Владыка напоминает о грехе, что сотворили вы с дщерью Первого! Он не бог! Но сделал для нас больше богов! – кричит нам вслед приподнявшийся с травы старик. – Он спас нас! А мы истязали его дитя! Его дитя! Владыка не простила!

– Охренеть, – пробормотала поравнявшаяся со мной наемница. – Это нормально – такие статуи в городах ставить? – покосившись на алую полусферу, что торчала из стены железобетонной жилой коробки сразу за сквером, она добавила: – Хотя это Формоз… со всеми его гнойными красотами.

– Система? – выдохнул я и перешел на легкий бег, не сводя ствола дробовика с подергиваемого спазмами испуга гоблина-мародера-проводника. – Странно…

– Что странно?

– Все, сука, странно… – ответил я и взглянул влево, где в десяти шагах, за изуродованным забором сквера легко бежал Кевин, а за ним следом торопилась как могла еще одна фигура – спотыкающаяся девка в кирасе, мини-юбке, рваных черных лосинах и окровавленном шлеме с зеркальным забралом.

– Тут осталось совсем чутка, – проскулил проводник, замирая у начала темного прохода, что вбегал под мрачную арку внутреннего двора. – Дом Лезвий там прямо посреди. Двухэтажный. Филиал Лезвий, а Кабхар там главный! Пожалейте меня… я же почти нормальный… а то, что мокрую сиську дохлой девки мял… с нее же не убудет уже! Ну выковырял я у нее остатки торпеды… так ей опять же плевать! А мне в десны втереть и маму вспомнить… Эй… слышите? Слышите, парни?

– Где вход? Сколько их там внутри? – зарычал Рэк, приставляя ствол автомата к дрожащему грязному кадыку проводника. – Я тебя прямо к мамаше твоей щас и отправлю, если отмалчиваться будешь!

– Дом Лезвий к нам жопой! Кирпичный! Два этажа! Окна только на втором! Крыша домиком… Ну не знаю я, сколько их там внутри… – плачущий проводник волочил ногами по асфальту, в то время как орк тащил его за волосы в проход. – Это же Лезвия! Они меня если с вами увидят – убьют! Вы ведь к ним явно не с добром идете! А может, вы все же лучше миром все порешаете? Постучите тихонько… вроде как главный у них в подвале сидит… офис там у них… выпьете с ним чайку…

– Постучим тихонько, – проскрежетал я, вскидывая на плечо металлическую трубу и вжимая скобу. – В стороны! Каппа! Осколочный туда же!

Ушедший во двор кумулятивный гранатометный заряд влетел в центральное тыльное окно второго этажа. Грохнувший взрыв выбил все стекла вместе со стальными ставнями, заодно разворотив перемычку между парой окон. Едва угасла короткая вспышка, раздался второй взрыв. По земле со свистом отстучали осколки, а я уже бежал к постройке, всаживая очереди в затянутые

серым маревом окна.

– Вскройте этот сраный дом! – рявкнул я и захлопнул забрало.

Выдернув из разгрузки сменный магазин, вставил на место опустевшего и продолжил поливать огнем кирпичную постройку. Ускорившийся Кевин обогнал нас, сместился в сторону, оттолкнулся от декоративного валуна на мертвых клумбах и сильным толчком послал себя вверх. Ухватившись за подоконник, он змеиным движением втянулся внутрь. Следом за ним к дому подбежала девка в черных лосинах. Попыталась повторить его трюк, но не достала и тяжело упала на землю. Встав, тут же получила из крайнего окна картечью по руке. Оторванная кисть отлетела в сторону, но девку это никак не озаботило – вбивая уцелевшие пальцы в выбитые пулями дыры, опираясь босыми ногами туда же, она полезла вверх, а стрелка я угомонил короткой очередью и, забросив автомат за спину, подпрыгнул. Вцепившись зомбачке в загривок, подтянулся, обрушивая ее своей тяжестью вниз. Наступил ей на плечо, мельком глянув на свое отражение в ее зеркальном забрале и услышав яростный тихий рык. Схватившись за подоконник, закинул себя внутрь и, перешагнув мешанину трупов на полу, давя тарелки, выдернул дробовик и шагнул к смутно виднеющейся ведущей вниз лестнице.

– Тук-тук-тук, Кабхар, – проорал я, начиная спускаться, в то время как за моей спиной уже слышались ругательства забирающихся внутрь бойцов. – Тук-тук-тук, с-сука!

Глава вторая

Поэтажное разделение Дома Лезвий совместило в себе разделение функций. Верхний этаж – наблюдательный пункт, казармы для рядового состава группировки и столовка для них же, судя по столам, кроватям и битой посуде. Нижний безоконный этаж оказался чем-то вроде склада смешанного типа – арсенал и кладовка. Тут же обнаружилась комната для самогоноварения, лопнувшая десятками банок вонючей браги вместе с двумя влетевшими в нее гранатами и тремя отстреливающимися гоблинами. Один из них угодил мне пулей в кирасу, а другой, подыхая и извернувшись в странном позорном прыжке, похожем на последний прыжок раздавленной жабы, метнул нож, что вошел в

глотку поперхнувшегося рыком орка. Вошел неглубоко, но ведь угодил точно в щель между шейной броней и шлемом – Рэк снаряжался наспех и на ходу.

Остатки дезориентированных, никак не ожидавших такой подляны Лезвий мы прижали к еще одной идущей вниз лестнице и там покрошили в фарш, не жалея патронов. В соседней комнатушке, заставленной готовым бухлом, Кевин прижал к стене слабо попискивающую девку в рваном и недавно белом пеньюаре – перед тем как слиться в рвущем губы поцелуе с зомбаком, она успела проблеять, что является личной девочкой Кабхара Черной Бритвы. Пуля из моего револьвера пробила шею хрипящего подранка – одного из семерых, что распластались на ступенях. Стоя над умирающим, я глядел, как из него стремительно утекает жизнь. Есть ведь вещи в этом мире, на которые никогда не надоедает смотреть… их всего три вроде бы? Не знаю список, но это вот зрелище – точно одна из них…

– Заперлись! – злобный рык Рэка закончился тяжелым лязгом, когда он врезал прикладом автомата по стальной двери. – Заперлись, суки! Заперлись! Открывайте! – еще один, даже более тяжелый удар последовал от его кулака.

– Заткнуться всем, – выдохнул я, стаскивая шлем и отдавая подскочившему прихрамывающему Хорхе, что тут же принялся протирать его. – Ссака. Парадный выход из этой крысиной норы…

– Поняла. Открыть, занять позицию рядом, отстреливать любого из Лезвий.

– Да.

– Забираю Хорхе.

– Да, – столь же безразлично кивнул я и, резко повернувшись, прижал к стене замершую рядом со мной молчаливую окровавленную фигуру в шлеме, что уже дважды успела принять на себя предназначающиеся мне пули.

Прижать девку к стене оказалось труднее, чем я ожидал. Откинув забрало ее шлема, приблизил лицо к ее лицу и вгляделся в испещренные кровавыми прожилками абсолютно белые глаза. Поросшие зеленоватым мхом щеки, эта же поросль уходит от висков к шее, лицо подергивается в мелких судорогах, искусанный окровавленный рот странно кривится, но… я в упор смотрю на

матерого зомбака.

Матерого, мать его!

Сколько времени прошло с момента заражения? Да меньше часа! И вот я смотрю в упор на матерого сильного зомбака, что спустя полчаса после заражения способен крайне шустро бегать, взбираться по отвесным стенам, принимать пули противника и при этом не срываться, не кидаться на так вкусно пахнущее гоблинское мясо, явно находясь в постоянной связи со своим боссом Кевином. А ведь еще пара кормежек с щедрым добавлением свиного протеина и жирка… еще пара суток на то, чтобы вирус окончательно распространился и поработил каждую клеточку этого тела… ну, может, еще сутки на то, чтобы изменить и усилить мышцы и кости до того состояния, какое было у тех элитных зомбо-рыцарей Кевина в его веселом парке аттракционов Зомбилэнде.

– Что за херня, Кевин? – поинтересовался я, закрывая чужое забрало и поворачиваясь к вылезшему из тесноватой для него кладовки зомбаку, поднявшему над головой открытую бутылку самогона и льющему себе струйку на заляпанное забрало, другой рукой стирая алые разводы.

Кевин не ответил. Да и что он сам может знать о Формозе? Он прибыл сюда даже позже меня – если учесть факт нахождения в запертом контейнере.

Но это же, сука, странно! Я сам и каждый из моих францисковских гоблинов был не раз поражен зомбо-заразой. Нас лечили после укусов зомбаков, и порой лечение случалось спустя часы и часы после заражения. И никто из нас не превратился в зомби… Опять же – какого хера боевая трансформация происходит так быстро? Девка получила кровь Кевина и за полчаса превратилась в крайне живучую и быструю тварь…

Где я видел подобное? Видел ли? Да вроде да – есть в голове смутное размытое воспоминание о том, как я тощим пацаном сижу у навеса чернокожего старика, что живет на крыше заброшенной небесной башни и смотрит на крохотном экране какой-то древний фильм про зомби-апокалипсис. Вот там было примерно также, и я помню, как громко и насмешливо хохотал старик, смотря, впрочем, с удовольствием. Дешевое и кровавое – всегда в тренде?

Что бы ты сейчас сказал, старик, заглянув в мертвые глаза зомби?

Эти мои долбанные открытия подкрепились, когда из кладовки выползла покрытая кровью голая девка в обрывках пеньюара и с боевым шлемом на голове. Неверный шаг… еще один, но уже более уверенный… и вдруг мягкое скользящее движение, которым она буквально перетекла за широкую спину Кевина, скрывшись к в темном углу, где нагнулась над подергивающимся в агонии гоблином с пожарным топором во лбу. Выдернув орудие, девка подняла забрало и припала к источнику мозгового сахарка, подергиваясь всем телом.

– Странно, – обронил Каппа.

– Открывайте! – проорал не выдержавший тишины Рэк, вновь врезав прикладом по двери подвала. – Вы Рокса убили! Рокса! Суки гребаные!

– Тихо! – велел я, и плюющий слюной и яростью орк опять заткнулся, харкнув кровью на не пускающую его дверь.

Отдав Каппе тихий приказ, чавкая по лужам крови, что были на каждой ступени, я спустился до двери, окунув ботинки в появившееся здесь густое озерцо с белыми ошметками. Откинув ногой расплющенную отрубленную голову, я присел у двери и прислушался.

– Каб! – напряженный голос дрожал вроде бы и от ярости, но я отчетливо слышал страх в каждой произносимой букве каждого слова. – Кровища из-под двери хлещет! Прямо хлещет, сука! Они там всех выпотрошили, что ли?

– Заткнись и слушай! – второй голос был более звучным, более хриплым и властным, но столь же испуганным. – Дерьмо…

Ко мне спустился Каппа и принялся деловито осматривать дверь, подсвечивая себе фонариком. Почувствовав что-то, я оглянулся и снизу вверх взглянул на стоящую на верхней ступени фигуру. Кевин… качнувшись маятником, зомбак повернулся и исчез за углом. Следом за ним прошагали две девки, причем та, что была голой, уже успела раздобыть штаны.

– Что делать будем, Каб? Конец? Нам конец? – голос первого из-за двери задрожал, сорвался на позорный задушенный писк. – И даже торпедироваться нечем напоследок! Капли есть?

– Заткнись! Я думаю!

– О чем, сука, ты думаешь?! Это ведь те отсосы явились? Гоблины, мать их?! Что за название, сука, такое! Гоблины! Кто еще мог? Та толпа не справилась… и нас даже не оповестили… Эй! Слышал?! Или чудится?

Ему не почудилось – вверху раздалось два выстрела, и снова все затихло. Еще через полминуты Хорхе доложил:

– Двое из Лезвий! Ссака их положила. Бежали со всех ног, но как увидели разбитые окна и дым – тормознули. Там и сдохли…

– Ясно.

– Лид…

– Да?

– Кевин ушел. Только что. Вместе с двумя из… своих, – кашлянув, Хорхе добавил: – Как только вышли – ускорились и моментом ушли в проход под арку. По пути Кевин подхватил дохлого бойца Лезвий и унес. Мерде…

– Мерде, – повторил я и, подняв руку, постучал в стальную дверь. – Эй… Кабхар, мать твою, Бритва… выходи. Поговорим – и сдохни.

– Ты кто еще, отсос гребаный?! Тут сантиметры стали! А наши уже на подходе!

Я тихо засмеялся, вспомнив находящуюся на первом этаже комнату связи. Услышавший мой смех даже сквозь «сантиметры стали» Кабхар нервно заорал:

– Ты сдохнешь, сука!

– Все мы сдохнем, – согласился я.

– Да какие ко мне предъявы, мужик?! Ну да… послал я по твою голову бригаду упырков неумелых. Но я выполнял приказ сверху! Считаешь себя крутым – так

лезь выше!

– Чей приказ? Имя…

– Да пошел ты!

– Я уйду… таща за собой твою кишку… а ты будешь приколочен к стене и, неспешно жуя собственные яйца, станешь смотреть, как я удаляюсь, разматывая твою уже горящую кишечную систему производства дерьма… – я не особо задумывался над своими мерными словами, просто говоря, как есть, но этого хватило.

– Мэкв! Мэкв Скермис! Левая рука Мракоса! Он связался со мной! Пойми – я солдат!

– Понимаю, – ответил я и поднялся на ноги. – Понимаю… как он выглядит?

– Здоровенный черный детина! Да я видел его лишь раз в жизни! Мы маленький филиал! Делаем бухло, торгуем бухлом, покупаем торпеды – толкаем торпеды подороже! Это бизнес!

Поднявшись по чавкающим ступеням, я дал отмашку Каппе и пошел к светлому пятну выхода, что до сих пор был затянут серой пеленой пыли.

– Лид! – донесшийся от светлого пятна голос Ссаки не был особенно встревоженным. – Тут движуха. Три бронемашины входят во двор. За ними толпа вооруженных гоблинов… Мои действия?

– Жди, – отозвался я, шагая по коридору. – Жди…

* * *

Хорошая обученность. Четкость и быстрота исполнения. Бывалость, что отчетливо прослеживалась почти у каждого из тех пяти десятков гоблинов, окруживших дымящуюся постройку в центре внутреннего двора. Три легкие шестиколесные бронемашины, каждая из которых несет на корпусе следы

боестолкновений, последующего хорошего ремонта и бережного отношения к каждому узлу. При этом на снаряжении и технике два разных типа эмблем, в которых с некоторым трудом угадывались стилизованный черный шипастый пончик и шипящая невзрачная змея с пылающими глазами.

Надо же… на шум пожаловали сразу обе здешние самые сильные группировки.

Ночные Гадюки и Черные Пончики.

А ведь эта окраинная территория не их. На окружившем нас бетонными объятиями дворе совсем иные эмблемы и знамена, не говоря уже о небольшой крепости Лезвий. Однако ребятки прилетели очень быстро. Даже слишком шустро они здесь оказались – похоже, пригнали сюда городские отряды быстрого реагирования, что должны иметься в находящемся под вечной угрозой мутантского штурма городе.

И что это мне дает? Да нихрена мне это не дает…

Убедившись, что я стою в полном одиночестве, а руки мои пусты – хотя с меня свисает пяток различных стволов – из-за третьей по удаленности машины показался высокий гоблин в черном шлеме с тонированным забралом. Сняв головной убор и показав отличную прическу, блондин едва заметно улыбнулся:

– Без обид, но такие дела вот так просто не делаются. Захотели – и залили улицу кровью? Серьезно? Ладно там отпор давали, как нам доложили. А здесь? Обиду вымещали? Шмякос орал, что вы в своем праве за убитого соратника… но так дела в нашем городе не делаются. Каждый вправе отомстить, но надо все предварительно обсудить… вокруг нас – жилое здание группировки Чистильщиков. А вы из гранатометов садите… хорошо хоть закончилось все… и сейчас… – он осекся, когда из двери за мной неспешно вышли остатки отряда и вдоль стены двинулись к дальним клумбам, снабженным двумя бетонными скамьями.

Гоблины вокруг присели, попрятались, вскинули стволы, но стрелять не стали, увидев пустые руки и головы без шлемов. Заодно не меньше половины потенциальных стрелков глянули наверх, на стену, что была украшена уродливой красной бдящей нашлепкой, наблюдающей за происходящим во дворе. Ну да… не будь здесь системного ока… нас бы, возможно, уже крошили

бы в фарш пулями. А теперь приходится мило общаться… хотя блондин все время поглядывает на вытащенный из бедренного кармана небольшой планшет в противоударном толстенном чехле.

– У нас тут не хаос с взрывами и кровью, а спокойный граничный город с его порядками и традициями, – продолжил блондин. – Я сержант Хикс и повидал уже немало таких, как вы…

Вздрогнувшая под ногами земля и раздавшийся спустя долю секунды взрыв заставили меня сделать пару шагов вперед, но я не обернулся, даже когда меня обдало облаком пыли. Задержав дыхание, я дождался, когда пыль унесет поднявшимся вихрем, и только затем оглянулся, чтобы увидеть заваливающуюся внутрь себя крепость Лезвий. Последний кусок стены качнулся и все же устоял, сохранив на себе эмблему с бритвой и став надгробием над братской могилой упырков. Я задумчиво взглянул на Каппу. Подскочив, вытянувшись, он доложил:

– А хер его знает… но не мы…

– Не мы, – кивнул я, соглашаясь, что несколько гранат никак не могли сотворить такое.

– Хотя мы там нашли странные серые бруски, – задумчиво добавил Хорхе. – И сержант Рэк решил их…

– Захлопнись, – лениво прорычал Рэк, заматывая себе горло бинтом.

– Вы… – покрутив головой с несколько подпорченной прической, сержант Хикс наконец разродился: – Да вы, сука, охерели в край… нельзя здания взрывать! Это боевой оборонный, сука, ресурс! Если бы не око Владыки… Есть что сказать, чужак?

– Ага, – кивнул я. – Где живет сучий Мэкв Скермис, левая ягодица сучьего Мракоса? Адрес мне назови – и можете дружно валить нахер.

Качнувшись на пятках, сержант переглянулся с заулыбавшимися своими, опять покачал головой и демонстративно постучал пальцем по экрану планшета:

– Владыке послан запрос на разрешение вашего задержания, разоружения и препровождения в одну из трех тюрем Дублина-5 для последующего суда. Не поймите неправильно, бойцы – ваш подвиг с Риториками нам известен, и сегодня вечером выпьем за вас дружно. Но закон есть закон. В Дублине-5 так нельзя никому – даже вдруг явившимся из контейнеров замороженным хренососам и их главному отмороженному упырку Оди. Так что не дергайтесь, продолжайте отдыхать и ждите бесплатного тюремного обеда. Суда бояться нечего – расстрела не будет, гарантирую. Есть данные с видео. Как Кабхар толкует с толпой Рыжего Палтуса, как выдает им экипировку и оружие. Есть видео боя… есть свидетельские показания… в общем, вы по нашим понятиям в своем праве были. Посидите пару суток, барахло ваше никуда не денется, а затем суд назначит часов по двести общественных работ на оборонной стройке… и, считай, дело закрыто. Потом, может, еще и посидим вместе за кружкой пива в одном из баров.

Я продолжал задумчиво молчать, а подошедший Хорхе что-то нашептывал мне про ближайшую бронемашину. Молчали и остающиеся на периферии представители Черных Пончиков. Хорошая сдержанность… или им просто лень самим заниматься такой херней.

– Сержант… этот бубнило, – один из стоящих перед блондином бойцов указал на Хорхе, – бормочет про то, что надо у нас отжать броневик… они же в край трахнутые… отмороженные нахер…

– Надо брать, сеньор, – повторил Хорхе и отошел.

– Трагикомедия правит балом, – сержант тоскливо возвел очи к затянутому пылью фальшивому небу. – Все сцена вокруг…

Высунувшиеся из окон вокруг любопытные жители едва не прослезились – от едкого дыма – и аплодировать не стали, хотя явно пытались расслышать каждое слово, а один тощий даже крикнул: «Громче! Громче!».

Пауза затянулась, и писк ожившего планшета пришелся как нельзя кстати.

– Голосовой ответ Владыки! – торжественно и облегченно провозгласил сержант Хикс, поднимая планшет над головой как святыню. – Слушайте! Ответ на запрос!

Женский ровный и какой-то неживой, я бы даже сказал дешевый, механический голос мерно зазвучал из динамика планшета:

– Отправленный вами запрос на пресечение беспорядка получен, сержант Хикс.

Блондин широко улыбнулся.

– Уточнение, – продолжил голос из планшета, и улыбка сержанта чуть угасла. – Правильно ли указаны данные командира группы, устроившей беспорядки и ведущей опасные для мирных жителей боевые действия в черте города?

– Да! – напрягшееся было лицо сержант расслабилось.

– Имя Оди… Его досье извлечено из архива, проводится интеграция старой информации с новыми данными.

– Хм… хер его… Оди! Чужак Оди! Да! Все верно! Он самый.

– Принято. Имя Оди. Кодовое имя-позывной – Гадос. Командир и основатель группировки Ночные Гадюки для проведения штурмовой спасательной операции «Ангел».

– Э… – сказал сержант Хикс, медленно опуская планшет. – Повторите, пожалуйста…

– Где обитает сучий Мэкв Скермис? – повторил я.

Сверху ударил желтый лазерный луч, что сначала пробежался по мне, а затем поочередно задержался на Ссаке и Каппе.

– Внимание… малый сбой при совмещении данных… иерархические проблемы… По новым данным загруженного источника лейтенант Каппа и лейтенант Ссака указаны как старшие чины в отряде Оди, кодовое имя Гадос, командир группировки Ночные Гадюки.

– Э-э-э… – проблеял бравый сержант, и опять вставший Каппа недовольно рявкнул:

– Отвечай как положено, сержант! Твой командир спросил сучий адрес Мэква Скермиса!

– Э-э-м…

– Внимание! Конфликт данных… у группировки не может быть двух командиров… Внимание! Конфликт устранен – временно назначенный на должность Гадос Девятый системным решением отстранен от командования. Оповещение отослано Гадосу Девятому. Указанная причина отстранения – арестный запрос сержант Хикса Дорбата.

– Су-у-ука…

– Последний раз спрашиваю адрес, – ожив, я шагнул вперед. – А потом, пока мы на нашей бронемашине едем мочить сучьего Мэква Скермиса у того отстраненного Девятого есть время добежать до меня. Понял?

– А?

– Сержант! Ты понял меня?!

– Да! Да, сэр! – вытянулся блондин и, опомнившись, в ярости отшвырнул планшет и шлем. – Какого хера происходит?! Ты кто такой?!

– И пусть тот временный не забудет принести мой шлем, – добавил я, проходя мимо.

– Внимание всем членам группировки Ночные Гадюки! Общее оповещение! – тот же самый неживой голос донесся уже из алой полусферы, воткнувшей мне в плечо зеленый лазерный луч. – Командир Гадос вернулся к выполнению обязанностей, возглавив группировку Ночные Гадюки! Внимание! Проводится уточнение и корректировка внутренних иерархических сбоев. Новые оповещения будут разосланы!

– И список пусть захватит, – вспомнил я.

– Список чего… сэр? – хрипло выдохнул взмокший сержант.

– А всего, – усмехнулся я. – Он принесет – а я выберу.

– Выберете что, сэр?

– Что-то достаточно стоящее, чтобы я опять ушел, – моя усмешка стала шире.

– Бронемашина! – вякнул Хорхе, пристраиваясь за мной.

– Шагоход или экз! – заорал Рэк. – И этих… торпеды? Пачку!

– Ага, – буркнул я. – И ящик фисташкового мороженого для охлаждения торпедированных булок… нахер наркоту!

Остановившаяся рядом с замершим сержантом Ссака встряхнула его и рявкнула:

– Очнись! Это не твоего уровня задача! Найди старших – тащи к Оди! Найди старших – тащи к Оди! Давай, сержант! Руки в жопу, жопу в тачку – и вперед с криками радости! И где, наконец, адрес сучьего Мэква?

– В штаб-квартире Гадюк на северной окраине! – отрапортовал сержант и широким жестом указал на бронемашину. – Машина ваша! Эй! А ну из тачки! Скип! Связь с командованием мне!

– Че за херня у вас происходит?

Оживший наконец толстяк в огромном бронике и каске с эмблемой Черных Пончиков не скрывал изумления. Да и вряд ли смог бы после громогласного заявления системы – наверняка уже весь Дублин впал в состояние ступора.

– Че за херня, командир? – прошипела догнавшая меня Ссака.

– Условия, – ответил я, забираясь в броневик через боковую дверь. – Условия проникновения в активированный мир-убежище… вроде как здесь требовалось зарегистрировать местный штурмовой отряд для спасательной операции… Не

помню. Но вроде как вбивал эти данные наспех, уже сидя в боевом флаере и на подлете к Формозу.

– А потом?

– Хрен его знает. Но, похоже, минимум часть экзоскелета я оставил здесь, и уходили мы кроваво… И вряд ли я успел расформировать отряд при отходе. Надо побеседовать с этим Гадосом Девятым…

– Хотела бы я увидеть его лицо в тот момент, когда он получил оповещение о возвращении настоящего командира, – запрокинув голову, Ссака зашлась в хохоте. – С-с-у-у-ука… да у него разом жопа взмокла от охеревания…

– Да посрать, – прорычал я, глядя как Хорхе усаживается в водительское кресло. – Мне нужен мой шлем, если это он. И мне нужен сраный Мэкс Скермис…

– Который тоже только что понял, что приказал устранить не чужака Оди, а командира Ночных Гадюк, – прохрипела Ссака и забилась на стальной лавке чуть ли не в агонии, колотя ботинками по стальному борту – А-а-а-а-а… дайте мне увидеть его потную харю!

– Уймись.

– Да ладно тебе, лид. Даже у тебя лицо чуток отмерло. После смерти Рокса ты как… в общем, многие бы сдохли даже без пули, просто заглянув тебе в глаза.

– Рокс, – повторил я и, прикинув расстояние и недавние оповещения, скомандовал уже заведшему мотор Хорхе: – Рули обратно в бар к Шмякосу.

– Есть! – в голосе гоблина слышалось нескрываемое облегчение.

– Боялся подохнуть? – усмехнулся я, вдавливая потный затылок в металл машины.

– Боялся подохнуть на подходе к цели, сеньор. Нас слишком мало…

– Да, – вынужденно согласился я. – Да…

– Ты ведь тоже не хочешь умереть так глупо, лид. Верно? Нам ведь не надо, чтобы тупорылые гоблины смеялись над нашими глупо помершими телами?

– Боюсь ли я глупо умереть? – чуть подумав, я ответил: – А бывает умная смерть? Есть разница между смертью в старости, когда прыгал на слишком молодой для тебя красотке, или же в заранее обреченном на проигрыш бою?

– Есть, конечно! – Хорхе так удивился, что повернулся назад, в то время как последние из крохотного отряда занимали свои места. – Погибнуть в бою куда лучше!

– Для кого лучше?

– Ну… люди скажут хорошее что-нибудь…

– Ага. Скажут, – согласился я. – Но тебе-то уже будет посрать, Хорхе. Ты уже не узнаешь, что там про тебя говорят.

– Как посрать? Одно дело, если меня обосрут посмертно, и совсем другое, когда уважительно отзовутся там…

– Да ну?

– Конечно!

– Задумайся, гоблин – ты даже не узнаешь, что там скажут над неглубокой ямой, где в грязи тонет твой израненный труп, который уже жрут деловитые крысы! Свет уже погаснет в твоей мозговой каморке, затихнут звуки, исчезнут мысли. Все… ты мертвый кусок мяса, которому посрать абсолютно на все…

– Так, выходит, нет смысла и пытаться прожить красиво? Прожить правильно… и только не спрашивай, что такое это самое «правильное», команданте… я не знаю ответа.

– Не стоит пытаться? Пытайся, гоблин, пытайся. Напрягай жопу хоть до кровавого поноса ради этой цели, но только если ты это делаешь для себя и по

собственным убеждениям, а не ради красивых и все равно лживых слов тех, кто однажды увидит твое мертвое тело. Живи для себя, а не ради тех, кто разок поднимет стопку самогона за твой упокой и тут же забудет о том, что ты вообще существовал когда-то.

Подумав, Хорхе саданул кулаком в потолок и начал разворот, в то время как недовольно сипящий раненым горлом Рэк закрывал дверь.

– Может, все же пару стрелков на крышу, лид?

– Нет, – буркнул я, усаживаясь чуть удобней. – По нам будут стрелять мелкие крысы. Стоит подыхать от их шальных пуль?

– А крупные крысы?

– Крупняк всегда для начала пытается договориться, – ответил я на вопрос орка и прикрыл было глаза, стараясь заставить пустые кишки хоть ненадолго забыть о жратве, но меня отвлек вопрос ненадолго выглянувшей в приоткрытую бойницу Ссаки:

– Кевин ушел, лид?

– Кевин ушел, – подтвердил я, тянясь за флягой с остатками воды.

– Вместе со своей новой стаей…

– Ага.

– Мы выпустили в город источник зомбо-заразы. Нулевой пациент пошел гулять по улицам Дублина-5.

– Ага.

– И тебя это не напрягает? Не подумай, что я утону в слезах, узнав, что половина этого гнилого городка превратилась в кровожадных упырей… но среди этих гоблинов есть и честные работяги. Опять же эта их затяжная война с мутантами. Кто будет убивать разбухших кожаных уродов?

– Как быстро проиграют мутанты против организованной и бесстрашной армии зомбаков, ведомой Кевином? – задал я встречный вопрос, и озадаченная Ссака замерла с приоткрытым ртом.

– Ну…

– Как быстро невероятно живучие и неприхотливые в жратве зомби справятся с медлительными калеками-мутантами? Зомбакам даже не понадобится возвращаться на базу для отдыха. Нахрена? Пасись и пасись в руинах, где в каждом тупике найдется по сочному мутантскому мясному шарику. Прямо как жизнь в набитом жратвой холодильнике…

– Хм…

– Разве что те серые гиганты помешают… но это еще не факт.

– Так ты намеренно…

– Кевин ушел не зомбаков плодить, – качнул я головой. – Он ушел, потому что видел мое удивление и убедился, что не одного его удивляет эта легкая сладость.

– Пояснишь?

– Ты можешь не понимать, – кивнул я и ткнул пальцем в Каппу. – А вот ты должен сообразить. Ты воевал с этими тварями побольше моего.

– Слишком все быстро…

– Да, – подтвердил я. – Слишком уж быстро зараженные обращаются в полноценных зомби, слишком быстрыми они становятся почти сразу… все слишком быстро. Меня это удивило. И Кевина тоже. А когда он увидел мое удивление, то, похоже, решил взять паузу и разобраться в этом дерьме.

– В чем дерьмо? Это же хорошо для Кевина. И для нас, раз он на нашей стороне.

– Именно. Это хорошо. Поэтому сразу появляется главный вопрос любого подозрительного недоверчивого гоблина – а с хера ли вдруг хорошо?

– Не въехала.

– Что делаешь херово?

– Ну… я вообще почти идеальная, конечно, но…

– Любой пример…

– Уродина она, – ожил Рэк. – А сиськи ниче так…

– Заткнись! – огрызнулась Ссака и опять повернулась ко мне. – Ну, например, с левой руки стреляю хреново.

– Сколько из десяти?

– Пять-семь пуль точно мимо уйдут. И как я не билась…

– Хорошо. А теперь представь, что завтра ты приходишь на стрельбище и с вдвое большей дистанции за вдвое меньшее время всаживаешь левой рукой все десять пуль в центр мишени… Представила?

– О да!

– Рада?

– Конечно!

– Ты перезаряжаешься, опять стреляешь левой, скажем, по бредущему еще дальше от тебя зомбаку, уже особо не стараясь… и опять десять из десяти бьют в цель, причем ложатся предельно кучно. И – все без особых усилий. Все влегкую.

– Ух! Умеешь ты, командир, девушку очаровать видениями сладкими…

– Рада?

– Еще бы! А ты бы не обрадовался?

– Я? – хмыкнул я и забрал у Ссаки поднесенную к губам флягу. – Я бы обосрался с перепугу.

– Почему? С чего пугаться? Наконец-то в цель бьешь!

– А с хера я вдруг всаживаю левой рукой десять из десяти пуль точно в цель, если раньше нихрена не получалось? – лениво поинтересовался я. – Да, все прямо хорошо… но с хера вдруг хорошо? Гоблинам такие подарки со сраных небес не падают. Вот почему, если хочешь выжить, при внезапном везении или удаче всегда надо задавать себе главный вопрос – с хера вдруг так хорошо? Так что лично я при такой вот стрелковой удачи мигом рвану для начала в ближайший медблок, чтобы мне башку просветили – нет ли опухоли? Заодно пусть проверят, не вводили ли мне каких странных лекарств. В общем, я проверю каждую мелочь, задам себе десятки вопросов и по любому отыщу причину такого сказочного везения. И раз нашего зомбо-рыцаря здесь нет, то получается, что Кевин себе этот вопрос задал. И двинулся искать ответы.

– Все равно не въезжаю.

– Подумай, Ссака. Мутанты заражению не поддаются. А гоблинское население Дублина-5 моментом превращается в полноценных и до жопы быстрых зомбаков, что способны вести бой спустя полчаса после заражения. При этом они проскакивают все промежуточные стадии, разом превращаясь в послушных живучих марионеток. То есть по сути… ты даже не успеешь ввести им лекарство от вируса. Тупо не успеешь! Зараженный по любому станет зомбаком. Почему? Что за херня?

– Я… – вернув себе флягу, Ссака отпила воды, часть вылила себе на ладонь и с силой растерла грязное лицо, добавив темных потеков. – А вот об этом я еще как-то не подумала. А ведь на самом деле – почему? Случайность?

– Хер там, а не случайность, – отозвался я и тихо рассмеялся, когда по корпусу везущего нас броневика ударило несколько с визгом отрикошетивших пуль. –

Крысы злятся…

Еще одна пуля ушла в рикошет, снаружи рявкнуло сразу несколько пулеметов, раздался двойной крик боли, и снова все затихло. Я не дергался, зная, что сидящие спереди Хорхе и Каппа бдительно смотрят по сторонам. Управление машиной у нас. Управление ситуацией? Тут хер его знает, но вскоре мы получим ответ на этот вопрос.

– Так что будет делать Кевин?

– Как бы сказала Джоранн – проводить эксперименты, – усмехнулся я. – У Кевина башка хоть и гнилая, но не тупая. Он попробует обратить еще трех-четырех. Ну, может, сотворит десяток себе подобных, выборочно беря их из разных частей города… и слоев сраного общества… Если верить моей чуйке, то вскоре этот город не досчитается чуток вонючего отребья. Кевин ведь у нас долбанный заботливый рыцарь, что даже своих зомбо-стариков подкармливал мясцом героев… Следом он заставит порожденных им зомбаков заразить кого-нибудь уже самостоятельно – и оценит результаты. Постепенно он проверит каждый район Дублина. Вдруг только у напавшей на нас толпы и той шлюхи в пеньюаре было заложено такое… подчинение зомбо-заразе. Если окажется, что такая вот легкость заражения и порабощения вирусом заложена в каждом гоблине Дублина-5… это же… бочка пороха, которой хватит одной крохотной искры… Город, куда достаточно однажды запустить одного тупого зомбака, чтобы через сутки уже все население превратилось в заплесневелых убийц.

– Стоп…

– Кому надо такое? Кому нужно полное отсутствие иммунитета к зомбо-вирусу? Что за, сука, дешевый ужастик? – выплевывая вопрос за вопросом, я с середины салона глядел в бронированное ветровое стекло, за которым сменялись бетонные городские пейзажи, и механически переснаряжал патронами магазины. – Почему мутанты обладают полным иммунитетом? Откуда здесь вообще могла взяться как полная защищенность, так и полная беззащитность, причем у двух, сука, враждующих сторон, если сам источник заразы целые столетия мирно жил в тихом уютном санатории в другом изолированном мирке-убежище? Кто работал над составлением генного коктейля или чего-то там еще, чтобы вколоть его каждому из здешних? Подобную вакцину или антивакцину не получится разработать на волосатой коленке… тут нужны лаборатории и ученые. Ну и главный вопрос – а для чего такое вообще надо?

– Погоди, лид! Я и над первым вопросом подумать не успела!

– Вот и Кевин не успел, – кивнул я. – И пошел подумать в какой-нибудь глубокий подвал. Сидит сейчас, жует кровавые печеньки, закусывает костным мозгом и старательно думает…

– Он вернется?

– Гадать не берусь. Но мне даже интересно… ведь раз мы уже высекли искру в эту бочку пороха – да еще какую, сука, жирную искру! – то не последует ли срочный адекватный ответ тех, кто подготавливал всю эту херню?

– Да к эльфам Кевина! – недовольно рыкнул орк. – Командир! Так ты возглавишь этот отряд Ночных Гадюк?

– Ну нахер, – рассмеялся я. – Система может меня назначить кем угодно, но… на то она и система. Она видит чужой отряд как собственную единицу. Что-то вроде стального коня, что довез меня от Гнойного Каньона до Дублина. Вот только стальная лошадь… это не живой скакун, приученный лишь к одному хозяину. Попробуй оседлать – и окажешься под копытами. Мне как-то не улыбается получить пулю в спину или нож в горло от чужих офицеров, что никогда не признают какого-то там сраного основателя, что вдруг вылез из могилы. Нет… откусим чуток от их ресурсов и отвалим в сторонку. Мои приказы в силе, гоблины – набирайте себе бойцов! Нам пора сколачивать отряд! Свой отряд!

– Хорошо, – облегченно выдохнул Рэк. – А овцу жрать будем?

– Будем.

– Больше вопросов не имею.

– А я имею! – перевозбужденная, откровенно радостная, нервно поглаживающая приклад автомата Ссака никак не могла уняться. – Имею я!

– Что ты имеешь, сука белесая? – захрипел орк. – Жратва есть, бухло есть, за Рокса отомстили! Че ты там имеешь?!

– Тебя я имею во все щели, упырок!

– Че?!

– Вопросы! – рыкнул я. – Спрашивай… пока мне самому интересно…

Рыкнувший движком броневик свернул еще раз, выводя нас на куда более широкую улицу. Кто-то снаружи возмущенно взревел сигналом, но сидящий в водительском кресле Хорхе выругался на непонятном языке и с широкой улыбкой прижал к ветровому стеклу оттопыренный средний палец. Я расслышал только «мерде», «пута» и что-то про папашу решившего погудеть упырка и одобрительно кивнул. Бывший консильери стремительно меняется. Страх давно исчез, а наружу вылезли так давно и так старательно скрываемые жестокость и агрессивность, чьи искры я разглядел при нашем первом знакомстве.

– Зачем тебе шлем, лид? – спросила Ссака, перестав перечислять родословную отрыкивающегося орка. – Древний шлем от древнего экза?

– Я не моложе, – фыркнул я, чувствуя, как медленно тает в груди ледяной холод. Убить еще десяток причастных к смерти Рокса хренососов – и мне окончательно полегчает. – Если мои просыпающиеся воспоминания не лгут, если другие источники не врут, то им в лапы попал шлем от одной из моих Ночных Гадюк.

– Целый шлем?

– Вряд ли, – усмехнулся я. – Вряд ли… скорей всего, от него мало что осталось. Но кое-что в нем должно работать, раз группировка здешних Гадюк так за него держится. Ну или работало когда-то…

– Работает что?

– Что-то, – закончив снаряжать магазины, я принялся разбирать винтовку, благо машина вышла на нормальное покрытие, и нас перестало раскачивать и потряхивать. – И хочется верить, что это канал связи.

– Канал связи, – повторила Ссака и, недоуменно моргнув, уточнила: – С системой? Так тут везде терминалы полудохлые… Думаешь, через твой шлем

здешняя система может быть поразговорчивей?

– Да, – кивнул я.

– Почему так решил?

– Потому что терминалы полудохлые, – широко улыбнулся я. – Хорхе! Долго еще?

– Несколько минут, сеньор… о… какой-то хрен перегородил дорогу своей тачкой и важно машет рукой…

– Тебя это замедлило?

– Никак нет, коменданте…

Относительно легкий толчок, скрежет металла, чей-то перепуганный вопль, приглушенный броней корпуса, и мимо нас пролетела переворачивающаяся легкая машина, а заодно чья-то побелевшая испуганная одутловатая харя.

– Что с каналом связи?

– Что с системой? – поправил я. – Где оно?

– Что оно?

– Все то, что порой до усрачки пугало и заодно восхищало во Франциске II и даже в ВестПик. Где бескомпромиссная системная властность, где кровавая бесстрастность, где стремление все и вся контролировать? Настоящая Управляющая, находящаяся в здравом машинном уме, давно бы уже вызвала меня на открытый разговор – причем под перекрестьем пушек и лазерных лучей из своих красных бородавок. И это был бы скорее не диалог, а монолог, в котором здешняя владычица сухо перечислила бы мне все, что можно, что можно лишь условно, а что категорически нельзя. Затем мне бы заодно указали, куда можно совать свою гоблинскую жопу, а где и духа ее чтобы не было. Ну и главное – нормальная Управляющая успела бы уже четко пояснить, в чем ее главная проблема! Причем пояснила бы в виде конкретного задания с жестким сроком его выполнения.

– Вроде «даю срок до полуночи, чтобы пойти вон в тот дом и вырезать там всех к херам»…

– Именно. Формоз разваливается по кускам. Небо валится гоблинам на головы! А системе посрать? Быть такого не может! Насколько сложно починить все эти дыры в небе и стенах? Для Управляющей это мелочь. Послать пару бригад штрафных гоблинов со сварочными аппаратами, дать в подкрепление пару экзов, табун стальных лошадей и один шагоход. А затем, после завершения работ, усыпить всех работяг, стереть им память, обнулить статус и пробудить в другом месте – на тот случай, если латающие стены упырки увидели, что мир снаружи мало похож на ад постапокалипсиса. А Гнойный Каньон?!

– А что с ним? По твоим словам – это обычная закольцованная грязная река…

– Грязная, – повторил я. – Токсичная, едкая, пузырящаяся и дымящаяся жижа, заполненная обваренными слизнями… Испоганенный каньон негативно влияет на все вокруг себя. Испарения, ветра, что разносят эту гадость по округе… Для системы это как серпом по механическим яйцам. Она не станет поддерживать подобную кольцевую язву добровольно! Наоборот! Любая нормальная Управляющая сделает все, чтобы подобной грязи не было в ее владениях. Ведь эта хрень постепенно разъедает все вокруг себя и ускоряет эрозию неба и стен в том числе…

– Ты точно не ученый, командир?

– Я был причастен ко всему этому дерьму, – обвел я рукой салон бронемашины. – Чистота, экологичность, возобновляемость, автономность и максимальная долговечность – вот что стояло во главе угла всех исследований и последующей стройки. Лучшие умы работали над всем без исключения! Корпели над каждой мелочью! Инженеры, программисты, ученые – легионы этих загадочных порой созданий… Так что нет… я не ученый… но я стольким ученым в свое время выкручивал яйца ради ускорения работ… что сейчас понимаю – вокруг творится неправильное дерьмо.

– А у нас не так было? – осведомился поневоле заинтересовавшийся орк.

– Во Франциске Управляющую постепенно замедлили и сковали Высшие своими тупыми инициативами, указами и предложениями, – отозвался я. – Накидали палок и говна в шестеренки. Они старались над этим целые столетия и почти добили тот мир. Но мы помогли чутка…

– Ага. Вычистили всю слизь и дерьмо из Заповедных Земель, – заржал Рэк. – Кровавым ершиком…

– В результате система восстановила весь объем власти… и пока мы тут едем на запах жареного мяса, там, во Франциске, многих сейчас призмируют во все дыры…

– Недостойным – смерть! – выплюнул Каппа и приподнял тесак. – Долгой агонии!

– Я поняла тебя, командир. Если управляющим системам не мешать, то они будут держать свои стальные гнездышки в полном порядке. Замкнуто, безопасно, уютно, сочно, в меру кроваво, и улыбающийся повар поглубже сует шампур…

– Да.

– А здесь не так… я поняла, лид.

– Систему кто-то тормозит, – кивнул я. – Тормозит всеми силами, вынудив ее уйти на второй план.

– Кто-то? Сенаторы?

– Кто-то, – повторил я. – Кто-то очень сильно боящийся угрозы извне. Кто-то до усрачки боящийся, что однажды к нему в гости явится некто…

– Ты?

– Может и я. Может, еще кто-то.

– Но почему извне?

– Вас не было там, на пороге, – я махнул рукой в сторону побережья, не сразу сориентировавшись с направлением из-за наших постоянных виляний по улицам. – А я был.

– Прибыли, командир! – одновременно с этими словами броневик притерся к знакомой кирпичной стене и остановился. – Дверь напротив.

Подскочивший Каппа опередил Ссаку, но не Рэка – злобно ухмыляющийся орк первым выскочил наружу и в два шага оказался внутри бара. Оттуда послышался его скорее угрожающий, чем вопрошающий рык, в ответ зазвучал надтреснутый голосок Шмякоса, а вскоре и он сам – перевязанный, с обнаженным торсом в подсохшей крови – выскочил наружу и приветственно заорал:

– Вэлкамичинно, амигос! Лезвий на кол! А овца уже разделана и ждет углей… Гости по соседству – я не пустил никого! Никого! Даже самых верховых!

– Хорошо, – усмехнулся я. – Умный гоблин – живучий гоблин. Злобный гоблин – живучий вдвойне.

– Я не отстану, – предупредила Ссака. – Хочу въехать в картину будущего боя досконально. Кто за нас? Кто против нас?

– Мой бар – ваша крепость! – продолжал разоряться Шмякос, стуча себя ладонью по впалой груди с островками пегой шерсти вокруг сосков.

– Жарь мясо уже! – едва не взвыл высунувшийся обратно орк.

Скользнув взглядом по посеченному пулями и осколками борделю напротив, он горестно вздохнул и опять скрылся в баре.

– Жарю!

Шмякос уковылял следом, а я, глянув мельком на плотную группу демонстративно безоружных гоблинов в паре десятков метров от бара – уверен, что мы в плотном многослойном кольце – и зашел внутрь со словами:

– Шмякос тебе ответил только что.

– Про крепость?

– Ага, – оскалился я, проходя в зал. – Помнишь первое упоминание о Формозе? Про рукотворный остров, где великие узкоглазые герои сражаются с ужасными тварями, что исходят от Формоза?

– Мы не раз обсуждали эту тему. Честно говоря, думала, что это и будет одна из наших маршрутных точек сюда.

– Как и я.

– Но ты доставил нас… посылкой.

– Верно. Раз уж летающий остров у нас увели, – хмыкнул я, опускаясь на прежнее место и бросая взгляд на опустевшее место на скамье. – Где тело?

– Почтенный Рокс отдыхает в задней комнате, – доложил из-за стойки Шмякос, спешно пластающий ножом куски мяса. – Все как положено, Оди. Ты не подумай – карманы его даже случайно не задел. Затащил внутрь, уложил, прикрыл чистым одеялом. Дальше тебе решать. Где хоронить? Как хоронить?

– В стене, – без колебаний ответил я, вспомнив, как Рокс сидел на краю той недостроенной стены, прихлебывал кофе и задумчиво глядел на Мутатерр. – Надо перекинуться парой слов с семейством Болрог. Каппа… пошли гонца к ним.

– Сделаю.

Пока отошедший лейтенант отдавал приказы, я, глядя, как Рэк разливает самогон, а остальные рассаживаются вокруг стола так, чтобы держать под прицелом обе двери, продолжил:

– Нам сказали про гигантских чудовищ, что покидают территорию Формоза и атакуют все живое. И я подумал – покидают сами? Или их выпускают?

– Зачем?

– А зачем хозяин выпускает во двор свирепых псов? – поинтересовался я.

– Для охраны… о! Вот теперь я начинаю понимать твои слова про крепость.

– Верно. Хозяин выпускает живых собак или киберов для охраны. В древние времена средневековые замки выпускали своры псов и отряды всадников для разведки и защиты. Потом меня закинуло в прибрежную Зону 40. Зону, где воды полны такими же гигантскими тварями и хищными мутантами. Еще одно кольцо защиты, что работает в обе стороны. Следом идет широкая полоса почти мертвых скал с частыми алыми бородавками. Там стопроцентно бродят и ползают атакующие всех подряд хищники. Затем…

– Гнойный Каньон!

– В точку. Окольцовывающий весь мир, заполненный чуть ли не кислотой и агрессивными изгоями глубоченный широкий каньон. Стоило мне его увидеть, и я понял – это же сучий защитный ров! Ров! Из той же сучьей театральной оперы, где замки опоясаны глубокими рвами, полными крокодилов… Да не только из древних миров – что-то я припоминаю про наши атаки на наркокартели, где их плавучие фермы дрейфовали по мелководью, нашпигованному разными тварями… Гнойный Каньон – это защитный ров. Еще одно кольцо защиты, что пересечено только линиями канатки. Без них никак – надо же как-то кормить все здешнее население. Дальше…

– Дублин-5.

– Дублирующие линии, – кивнул я. – Организованные борцы с Мутатерром. Что-то разумное и более-менее нормальное.

– Для чего? Очередная безумная игра?

– Нет. Вдумайся, Ссака. Вдумайтесь вы все. Что такое эта тонкая и тоже закольцованная линия, полная вооруженных гоблинов, снабжаемых по полной программе.

– Ну… надо же чем-то заниматься… кого-то кромсать, рвать… – предположил Хорхе, зашедший последним. – Там ко мне подскочил один худощавый…

спрашивал, когда можно начать разговор с Гадюками.

– Передай им – сначала мы пожрем, выпьем и помянем, – ответил я, и адъютант, кивнув, поспешил обратно к выходу. Проводив его взглядом, я покачал головой. – Я вижу Дублин как прокладку. Как фильтр. Прослойка между кошмарами. Они застряли между двумя кольцами внешней защиты Формоза и не позволяют мутантам прорваться куда?

– В Дублин?

– Или за него, – в разговор вступил Каппа, поднимая стопку. – Мутанты могут рваться наружу…

– Как вариант, – согласился я и поднял свою стопку. – За Рокса!

– За Рокса!

Мы выпили. Проглотив обжегший глотку самогон, я рявкнул:

– Где долбанное мясо?!

– Вот-вот! Вот-вот! – донеслось от задней двери. – Шкворчит вовсю!

– Сам знаю, что шкворчит, – пробормотал я, втягивая ноздрями аромат жарящегося мяса. Выдержав паузу, я продолжил: – Мутатерр. Широкая закольцованная полоса, что забита ловушками и нашпигована мутантами. Нет дорог, нет безопасных путей, мутанты враждебны ко всем и при этом не подвержены зомбо-вирусу. А вот дублинцы заражаются мгновенно. Это дерьмо тоже не случайность… В общем… весь мир Формоза – это кольца, кольца и кольца защиты, что должны остановить почти любую внешнюю угрозу. И раз это кольца… значит тот, кто организовал все это дерьмо, должен находиться в самой середке.

– Аналог Земель Завета?

– Что-то вроде. Или нет… пока слишком мало информации. Поэтому мне нужен мой шлем…

– Ради обычного канала связи?

– Ради особого канала связи, – усмехнулся я. – В свое время я прибыл сюда с этим шлемом. И с его помощью что-то там делал… не могу вспомнить… но я точно входил с его помощью в контакт со здешней Управляющей. В том числе через него я регистрировал отряд Ночных Гадюк… А учитывая того, кто меня туда послал, и его власть… думаю, доступ и права у меня были чуть ли высшими.

– То есть шлем – это твой личный терминал со всеми правами доступа? Причем завязанный на твою биометрию и прочие данные… Даже если права аннулированы – канал связи еще активен? – задумчиво произнесла Ссака. – Странно…

– Что странного?

– Странно, что случилась так кстати такая вот внезапная находка… может, это западня?

– Почему меня выбросило именно в Зоне 40? – спросил я и сам же ответил: – Потому что из нее прямой путь в Дублин-5. Почему Дублин-5? Да потому что как только я попаду сюда, то сразу начну задавать вопросы, интересоваться здешним укладом, искать возможности получить свои контейнеры, а попутно собирать море побочной инфы. Нет шанса, что я не услышу про главную и самую мощную здешнюю группировку Ночные Гадюки и про их магический, сука, артефакт – древний шлем. Нет шанса, что само название «Ночные Гадюки» не вызовет у меня интерес. Нет шанса, что я не потяну за эту ниточку. Нет шанса, что я не захочу увидеть этот странный шлем – даже если я ничего не вспомню, я все равно пойму, что это не может быть совпадением. И тогда же я пойму главное…

– Поймешь, что тебя привели прямо к шлему, – ответил за меня Каппа. – Принесу мясо. Гляну за заднюю улицу.

– Меня привели прямо к шлему, – кивнул я. – Прямо к терминалу… а значит и к откровенной беседе.

– Почему система не может поговорить с тобой через любой свой терминал?

– А кто сказал, что этот терминал ей принадлежит? – поинтересовался я, и осекшаяся Ссака глубоко задумалась. – И почему система давным-давно не отрубила канал связи между шлемом и собой? Ведь в нем больше нет надобности. Но шлем продолжает что-то получать от системы – иначе здешней группировки Ночных Гадюк просто не существовало бы. Система продолжает «подкармливать» их через мой шлем чем-то полезным – уверен в этом. Отсюда идут слухи о магическом сраном артефакте. Об этом говорят на улицах Дублина, гоблины добавляют от себя фантазий и… стоило мне войти в город, как от первого же грязного бездомного я услышал все необходимое для того, чтобы «зацепиться» и пойти по следу.

– Тогда чего боится система?

– Того, кто ее контролирует, – ответил я и, подавшись вперед, вбил вилку в верхний кусок мяса. – Мое, суки! Не трожьте!

– С жирком утянул, – горестно рыкнул Рэк, стягивая к себе сразу несколько кусков. – Наконец-то пожрем!

– Но на кой хер мутантам рваться из Мутатерра к окраине мира? В побег собрались?

– Или к другим мутантам, – прочавкал я, вгрызаясь в обжигающее мясо. – Мутатерр рвется к тангтарам – прибрежным мутантам Зоны 40.

– Нахрена?!

– Да хер его знает. Может, потрахаться? – буркнул я, стирая с подбородка мясной сок и облизывая ладонь. – Или вражда. Я просто предположил. Раньше тангтары тоже любили убивать обычных гоблинов, каждую ночь выходя из океана. Но с ними заключили сделку, и смерти прекратились. Хер его знает… где-то в Мутатерре или за ним еще и сурверы, что тоже без дела не сидят. Сюда же вдруг с какого-то, сука, хера прибыл летающий остров с тем голубоглазым упырком… зачем? Что ему надо от умирающего убежища? Что здесь такого для него интересного? Он что-то узнал, и это побудило его к действию, заставило покинуть свою стальную нору? Что может быть настолько важным? Что? А?

– А нам откуда знать?

– Вот поэтому мне нужен шлем…

– А ты не думал, что система, может, давно закрыла канал связи? Или недавно… и все обломится?

– Думал, – ответил я и с хлюпаньем присосался к кувшину с компотом. Влив в себя пол-литра, отхлебнул самогона, кусанул еще горячее мясо. – Думал… но к этому терминалу был подключен не только Формоз. Я помню тот подыхающий от ярости и горя голос, что звучал у меня в ушах – голос Первого, что требовал спасти свою дочь.

– Вот теперь я поняла, – медленно кивнула Ссака. – Неплохо… если выстрелит хотя бы один из патронов…

– То мы получим хоть немного важной инфы, – кивнул я. – И поймем, какого дерьма ждать от Формоза.

– Мой бар – ваша крепость. Мой дом – моя крепость, – задумчиво произнесла Ссака, на мгновение оторвавшись от пожирания пропеченной огнем овечьей плоти. – Но странная защита, лид…

– Ты тоже поняла? – хмыкнул я, вонзая вилку в кусок мяса, что таинственным образом исчез прямо из-под вилки, чьи зубья скрежетнули по блюду. – Мяса!

– Несу, амигос! Горячее! Жир льется! Пар столбом! – заголосил Шмякос, и через полминуты на стол тяжко опустилось второе блюдо с грудой мяса. – Жрите от пуза! И это – я угощаю! Плевать на разорение!

– Не будь дебилом, Шмякос, – прорычал я, стаскивая себе на тарелку немалую толику от мясной кучи. – Назови бар «Злой гоблин», подними цены на тридцать процентов, добавь в меню море холодного компота и тазики с жареным мясом и перловкой. Подожди, пока разбегутся слухи по Дублину, жди наплыва толпы и готовься считать песо.

– Ух ты! – тяжко сглотнув набежавшую слюну финансового голода, Шмякос почесал грудь, роняя с сосков хлопья засохшей крови. – Может, еще салата в меню шмякнуть?

– В жопу.

– Меню утверждено! Еще жарить?

– Жарь. И пусть соседи тащат компот без блесток. Много компота!

– Все будет, Оди. Все будет… А ты случайно не держал раньше бара? Так уверено говоришь…

– Может и держал, – проворчал я. – А может просто вырывал языки излишне болтливым барменам.

– О-о-о…

– Свали! – перевел мои слова в приказ Каппа.

– Бегу жарить! И про компот не забуду. И это, Оди… вокруг все больше народа и я, конечно, не спец, но там прямо назревает что-то… душное и кровавое.

– А точнее? – заинтересовался я.

– Точнее? Ну… жарю я вот мясо непринужденно, песенку насвистываю – поминальную, конечно – а за мной напряженно так наблюдают такие высокие чины из Гадюк, Пончиков и Чистого Древа, что в наш окраинный район разве что отлить заглянут и то по пьяному делу… И ведь все вооруженные… а у угла стоит малый шагоход с пушкой огромной… рядом два экза в цветах Пончиков… в целом только на задней улице и крышах вокруг примерно рыл сто… и все смотрят, как я мясо жарю… и улыбаются так ласково… так ласково… Что сейчас у главной двери – и подумать боюсь…

– А ты не бойся и не думай, – посоветовал я и ткнул пальцем в стену рядом с нами. – Выглядит непрочной…

– Углядел? Тут дверь была раньше. Мы с розовыми пополам ее заделали.

– Чем?

– Рецепт предков. Саман. Но я что-то накосячил с этим рецептом, и прочность так и не набралась. Но оштукатурил как положено и нанял маляра одного, что позже погиб в Мутатерре – он мне замаскировал все под бетон. Не знаю, как ты и углядел…

– Рэк. Пробей окошко для подачи компота гоблинам…

– Ща!

Несколько ударов подхваченным пожарным топором, который мы притащили из разрушенного Дома Лезвий, образовал в центре замаскированного проема зияющую дыру, откуда на наши потные от обжирания лица упал тусклый розовый свет. Заглянув внутрь, Рэк перекосился и заорал:

– Там офицера Гадюк жарят, командир! Прямо на столе с компотом!

– Я ОБЛОКОТИЛСЯ И ЗАДАВАЛ ВОПРОСЫ! – ответный ошалелый рев наполнил зал бара резонансным эхом.

– Сзади тебя мужик с прибором!

– Это девка!

– Да у ней хер!

– Женщины разные бывают! Я же в штанах! Ты кто?!

– Я Рэк! И я не такой!

– Охренел, сука?! Я допрос тут вел! Допрос!

– Хера у вас допросы!

– Интересные у той тощей трусы… но блесток многовато, – заметила привставшая и заглянувшая в сочащуюся розовым светом дыру Ссака. – Эй! Похотливую лампочку вырубите уже! И давайте компот!

– Вы совсем охренели! Наджис!! – возмущенно прокричал разгневанный женский голос.

– Мы что? – уточнила Ссака, и резко сбавивший обороты женский голос умильно проворковал:

– Ну что вы… вам все можно. Компот сейчас подадим.

– Передай тому… чтобы звал бывшего главу Гадюк, – буркнул я, сыто отваливаясь от тарелки.

– Эй! Трахнутый! Зови своего босса!

– Я не трахнутый!

– Кого там трахнули уже? – поинтересовался новый голос из-за стены. – Тихо же вроде все было?

– Никого не трахнули! Порро! Зови главного!

– Есть, полковник Стекс! Такого кого тут трах…

– НИКОГО НЕ ТРАХНУЛИ! Я ВЕЛ ДОПРОС!

– Жопу-то хоть подтер, полковник? – глумливо заорал Рэк в дырку, откуда высунулся кувшин с компотом.

– О-о-о-о…

– С компотом что-то нехорошее делали? – тихо поинтересовался я у Ссаки, и та тут же продублировала мой вопрос в дыру.

– Нет-нет! – опять раздался женский испуганный голос.

– Дерьмо, – выругалась наемница и вставила в дыру ствол автомата. – Эй, сиська… еще раз спрашиваю – с компотом что-то делали нехорошее? Последний шанс. Ты сдохнешь – другая сука расскажет.

– Он нассал в компот, когда узнал, что он для вас! Шипел, что вы возомнили себя крутыми…

– Заткнись, сука! – заорал полковник Стекс.

– Он сам! Еще и плюнул!

Я щелкнул пальцами. Ссака вдавила спусковой крючок, и я чуть отклонился, пропуская мимо поток хлынувших горячих гильз. Полковник вякнул еще разок, ответная очередь пришлась в стену, потом там что-то с грохотом упало, и все затихло.

– Поясни тем снаружи почему и за что, – велел я Шмякосу, и тот торопливо кинулся к выходу.

– И передай, что первый из Гадюк, кто сюда войдет, должен будет выпить весь подарок полковника Стекса! – добавил я. – До капли! Пусть сами решат, кто это будет…

– Ага!

В повисшей тишине мы выпили еще по одной, потом разлили и добавили по новой дозе самогона. Почувствовав, что обвитая стальной пружиной ледяная сосулька окончательно исчезла, я с шумом выдохнул, проводя ладонями по лицу.

Ладно… ладно…

Грохнула дверь. Первым вернулся Шмякос, кивнув на ходу и усочившись за дверь черного выхода. Еще через несколько минут внутрь ввалился широко улыбающийся оборвыш с лысой исцарапанной башкой:

– Я внезапно стал Гадюкой! – это было первое, что он сообщил всем нам, широко улыбаясь. – А был бродягой! Жизнь удивительна, да?

– Думаешь? – Ссака с трудом сдерживала лезущую наружу и корежащую ее лицо ухмылку.

– Простота душевная светит ярко… но не долго, – обронил Каппа.

Спрятавшаяся за ним лучница Хитоми едва заметно кивнула.

– Думаю! – проорал влившийся в ряды Гадюк оборвыш. – Жизнь прекрасна! Сказали выпить до капли кувшин компота – и тогда точно примут как доказавшего! Еще и запишут на курсы внутренних работяг. А это житуха! Спокойная, мать ее, житуха!

– Житуха, – согласился я и ткнул пальцем в кувшин с компотом. – Вот.

– Да я в три глотка его! А стопку не нальете?

– Нальем, – кивнул я. – Но…

– Но?

– В компот нассал покойник, – сцапав бутылку, я подался вперед, налил мутного самогона в ближайшую стопку и пододвинул ее к краю стола.

– Да ну?

– Да ну, – широко улыбнулась наемница.

– Я бы такое пить не стал, – предупредил Хорхе.

– Так я другой кувшин! – легко отыскал решение проблемы бродяга. – Мочу хлебать дебилов нет!

– Другой нельзя, – я с сожалением развел руками и опять оперся спиной о стену.

Облизав пересохшие ободранные губы, бродяга поочередно обвел нас взглядом, сцапав стопку, выпил частыми мелкими глоточкам, еще раз облизнулся и уточнил:

– Не шуткуете, братцы? Кувшин с мочой выпить обязан?

– Почему обязан? – удивился я. – Выбирать тебе, гоблин. Хлебай мочу – и живи спокойно внутренним работягой.

– Они даже на улицы, считай, не выходят! Смена всего четырнадцать часов! Два полных выходных в месяц. Спецодежда бесплатно! Зарплата небольшая, но стабильная, плюс к этому еще и трехразовая кормежка! И подарки ко всем праздникам группировки. Хорошие подарки! И очень скоро день рождения уважаемого Гадоса – уже завтра!

– С днюхой, лид! – оживился орк, протягивая мне лапу с зажатой стопкой.

– В жопу, – буркнул я, и заржавший Рэк выпил все сам, не обратив внимания на робко вытянутую лапу новообращенного в Гадюки. Ему налила Ссака, с нетерпением ожидающая финала.

– Выбор за тобой, – повторил я. – Решай.

– Мочу пить… ну нахер! – опрокинув в себя вторую стопку, бродяга гордо выпрямился, утер губы… и снова сгорбился. – Но на улице жить тоже херово. А подруга моя? Она уже такую жизнь не тянет. А Гадюки сказали, что и ей выделят уголок в общаге с пресп… перс… перспективой взятия на работу. Ее ревматизму тепло домашнее на пользу пойдет…

– Решай, – выдохнул я. – Мне уже надоедает…

– Ну… все же узнают, что я мочи нахлебался… прохода не дадут… а может – шутканули вы все же, а? – заслезившиеся глаза бродяги наполнились робкой надеждой. – Какой еще покойник?

– Лежит вон за той стеной, – Ссака ткнула большим пальцем в дыру, откуда продолжал сочиться розовый свет. – Никаких шуток, гоблин. В компоте моча

покойника. И его же плевки.

– Решай! – рыкнул я.

– Я из семьи Бутов! Живем с честью! Бедно! Но с честью!

– Решай!

– А там теплая общага и трехразовая жратва мне и бабе моей! Койка нормальная!

– Решай!

– Хоть чуток в жизни пожить без страха! Чтобы ничего не забирали, а бабу мою не били и не трахали подонки!

– Решай!

– Эх! – скривившись, бродяга сцапал кувшин, выпрямился, приложил к разверстому рту и… охнул, когда выстрел Ссаки пробил посудину и выбил ее из его пальцев.

С треском упав на пол, кувшин откатился к стене, по полу растеклась лужа. Растерянный бродяга из рода Бутов отступил, когда лужа подошла к его рваной обувке.

– Вали отсюда… Гадюка… – буркнула Ссака и сделала глоток прямо из бутылки, одновременно убирая пистолет в кобуру. – Пшел нахер! И зови тех, кто за дверью!

– Спа… спасибо! Добрая ты бабенка! Сразу видно! Чмокну лапку!

– Пошел нахер тебе говорю! – побурев, наемница потянула рукоять пистолета из кобуры, и отпрянувший бродяга за секунду оказался на другом конце зала, втек в коридор и исчез с ликующим криком:

– Мечты сбываются!

– Добрая ты бабенка… – оскалив клыки, Рэк хрипло захохотал. – Жалостливая ты сука…

– Заткнись!

– Сама заткнись! Это был его выбор!

– Он его и сделал! Так нахер уже рот мочой тухлой полоскать?!

– Он сделал свой выбор, – согласился я и сгреб горсть остывших орешков. – И не забудет об этом никогда. А нам не посрать?

– Нам всегда посрать, командир! – почти невнятно отрапортовал Рэк, дожевывая кусок мяса. – Потому и живы!

Повернувшись к Ссаке, я схватил ее за плечо, подтянул поближе и выдохнул ей в лицо:

– Сучья сентиментальность убивает, Ссака. Либо ты живая тварь насмешливая с куском обосранной стали вместо сердца… либо дохлая добрая бабенка, что отвлеклась на чужие проблемы и получила пулю в тупую башку. Не расслабляй булки.

– Да я и не расслабила! Просто чуток помогла гражданскому нищеброду.

– Не помогла ты нихера, – возразил я. – Жизнь – это череда долбанных выборов с последствиями. Он знал, на что шел ради спокойной жизни для себя и своей бабы. И был готов заплатить цену.

– И что?

– А ты заплатила вместо него.

– Патрон потратила! Велика трата? Да с Гадюк в сто тысяч раз больше стрясем! В следующий раз выбью кувшин ботинком!

– Да мне посрать на патрон, Ссака, – качнув головой, я попытался собраться с мыслями, но от усталости это получалось плохо. – Каждый… каждый должен платить сам. Платить полную, сука, цену. За все! Хочешь нормальную работу и теплую койку, но надо выпить кувшин мочи – хлебай мочу, сука! Хлебай! Или отказывайся и вали обратно на дождливые улицы, где тебя насадят на нож, а твою бабу на чужой хер! Это твой выбор! Твое решение! Выбирать – тебе! И платить – тоже тебе! Вот это и есть жизнь гоблинов! А вот если ты вдруг начинаешь платить за такого гоблина… он начинает чувствовать себя человеком! Или даже сраным эльфом, которому все должны! Раз… два… и он начинает этого ждать – что кто-то ему поможет просто так! Что кто-то заплатит за него! Что кто-то исправит им сломанное! Кто-то бесплатно вылечит его! Кто-то вместо него поговорит с боссом, чтобы ему повысили зарплату. И этому же дерьму он научит своих детей! – срите, ломайте, не работайте, не тренируйтесь, не учитесь выживанию, не заглядывайте в будущее – так и так придет добренький кто-то и все сделает за вас!

– Лид… да ладно тебе… – моргнув, Ссака осторожно пододвинула ко мне стопку. – Я просто выбила кувшин с мочой из лапы нищего бродяги, тащащего за собой прицеп с ревматозной бабой… чего ты завелся? У тебя глаза бешеные… аж побелели к херам…

– Если надо, чтобы он вернулся и выпил кружку мочи – я щас все сделаю, – успокоил меня Рэк и привстал. – И бабу его притащу. Пусть вдвоем хлебают – не все же мужикам за баб делать! Ну я сбегаю? А чтобы калорий больше – пусть Каппа насрет! Он умеет!

Мечника перекривило, но он сдержался и лишь пожал плечами.

С шумом выдохнув, я отпил самогона и тихо проговорил:

– Это все сраный Формоз. Он действует на меня. Здесь все начиналось. Здесь я вляпался во все это дерьмо, попавшись на сладкие слова Первого. Поэтому меня и потряхивает… Потому что здесь я стал частью глобальной операции по расчистке накрывшего планету токсичного дерьма, что появилось из-за упырков, которые никогда и ни за что в своей жизни не платили полную цену! Да… надо

чуток поспать… а затем раз пятьсот отжаться, столько же раз присесть, убить сучьего Мэкса Скермиса и… похоронить Рокса.

– Я тоже люблю отжиматься, мистер Оди, – спокойный голос раздался из коридора вместе с шумом неспешных и нарочито впечатываемых в пол шагов. – Еще я очень не люблю хоронить друзей. И вот вам сучий Мэкс Скермис…

Через порог внутренней двери перелетел связанный крепыш с наголо бритой башкой, кляпом во рту, татуировкой опасной бритвы между отвисших сисек, солидным пузом и перепуганными глазами. Мелко просеменив, он споткнулся и упал в лужу компота с мочой. Заворочавшись, поднял голову, встретился со мной взглядом и… опять опустил ее и с тихим сдавленным стоном вжался лбом в пол.

– Мы с ним не беседовали, – тепло улыбнулся вошедший в бар темноволосый мужчина в старомодном сером деловом костюме. Широкоплечий, чисто выбритый, с короткой военной стрижкой, он глядел прямо, шагал широко и был один и безоружен, если не обращать внимания на ремень рюкзака за его правым плечом. – Я Гадос. Экс-Гадос, если точнее. Прежнее имя – Виктор. Виктор Випера. Вот это дерьмо, – он кивнул на застывшего почти голого крепыша в желтых трусах в цветочек, – примите за ни к чему необязывающий подарок. Ах да – Черные Пончики начали полномасштабную военную операцию против Лезвий. Мы бы помогли разобраться с в край обнаглевшими отморозками, но… надо бы сначала узнать мнение нашего нового, а вернее – старого командира Гадоса Первого. Или просто – Первого.

Не сдержав нервный тик, я тихо произнес:

– Никогда не называй меня Первым…

– Услышано, запомнено, принято. Не назову. Оди…?

– Оди, – кивнул я, изучая командира группировки Ночных Гадюк. – И я не ваш командир. И никогда им не буду. Ты по-прежнему на своем посту, гоблин. Поделись чуток куском пирога – раз уж я замесил для него тесто лет так триста назад… отдай мой шлем, не лезь ко мне… и мне нет до тебя дела, Виктор Випера.

– Вот так просто? – удивился остановившийся в трех шагах от меня Виктор.

– Ага.

– То есть можно смело отзывать всех снайперов, самоубийц-взрывников, просто преданных мне солдат, что готовы сделать все, чтобы незнамо из какой гнойной жопы вылезший прародитель Гадюк поскорее сдох…

– Ага.

– Думаешь, я поверю?

– Думаешь, мне не посрать на тебя и всех твоих… Гадюк? – рассмеялся я. – Если ты вдруг возомнил себя и свою группировку чем-то важным… то и тебе следует выпить кувшин мочи, чтобы чуток протрезветь… Отдай мне мое, поделись чуток своим – и вали. Хотя знаешь… дай сюда мой шлем, и этого хватит, – вдруг решил я, почувствовав себя слишком усталым для долгих речей. – И двигай жопу на выход. Как выйдешь из бара – снова будешь командиром.

– Реально так все просто? – саркастичная улыбка исчезла, взгляд стал откровенно удивленным – на этом посту тупых не держат, так что Виктор был опытен и умен. И он уже понял, что я не блефую и не веду никаких игр. – То есть… все из-за шлема?

– Все из-за запроса на мой арест, – зевнул я. – Шлем!

– Да… прошу прощения… мистер Оди.

Из взвизгнувшего столь же старомодной, как и его костюм, молнией рюкзака с эмблемой Россогора показался шлем. Мутное от трещин пробитое забрало, искореженный металл, общая деформированность… я с трудом узнал родной шлем Ночной Гадюки.

Взяв его в ладони, вгляделся в свое едва просматриваемое на мутном фоне трещин отражение, заглянул в одну из дыр забрала, что была прямо напротив лба. Как я выжил? Это точно дыра от пули… внутри головы что-то легко запульсировало – будто та самая пуля – но воспоминание не всплыло.

– Связь, – произнес я, и шлем ожил, захрипел, выплюнул долгий стон, состоящий из шумовых помех, и наконец разродился:

– Ну наконец-то, Оди… ты становишься слишком медленным… – голос был живым, эмоциональным и очень знакомым.

А вот Виктор Випера, наоборот, выглядел крайне удивленным, если не сказать изумленным. Застыв, растеряв свою невозмутимость, он не сводил глаз со шлема.

– Шлем почти мертв… синтетический женский голос… редкие оповещения о событиях Мутатерра, что позволяло нам делать прогнозы, планировать перехваты и стратегии отпора…

– Виктор, – насмешливо изрек изуродованный шлем, опущенный мной на край стола, где недавно стоял кувшин с испоганенным компотом. – Ты даже не представляешь, как долго мне приходилось оставаться полезным твоей группировке… столетия, мать твою! Столетия! А все потому, что я знал – однажды сюда придет тот, кого ты приказал сегодня взорвать к херам вместе с этим сраным баром. Взорвать, даже если с ним удастся договориться. Взорвать, даже если здесь окажутся непричастные… твои саперы уже подвели сюда подземный лаз? Или продолжают долбить колодец у соседей?

Виктор замер с приоткрытым ртом и стремительно бледнел.

– Расслабься, – усмехнулся я. – Я и так знал, что ты та еще гнида.

– Я не… шлем был мертв и служил лишь странным фантомным радиоприёмником, что вещал о Мутатерре сквозь лавину помех… я и подумать не мог, что все это время он слышал… устройство слышало и…

– Это древняя и очень важная игра, Виктор… и если ты вздумаешь вмешаться в эту шахматную партию… – голос из шлема стал тише и вкрадчивее. – То я сначала верну тебе остаток воспоминаний, затем выну из холодильника твою все еще спящую мать – ту, чье лицо ты вспомнил благодаря наркоте, ту, что так любила тебя… Я посажу ее голой на металлический стул и вскрою ее от паха до рта заживо! А затем освежую ее! И брошу ее уже старенький морщинистый кожаный костюм на красно-белый кафельный пол! И только после этого я

возьмусь за эту суку всерьез! А ты будешь все это видеть! Свали нахер из моей игры, пацан! Топай до ближайшего терминала и запроси у здешней полудохлой суки Управляющей информацию по разовому коду «Истина42!», пароль к доступу «Не вздумай, сука!». Повтори!

– Истина сорок два! Пароль: Не вздумай, сука!

– Вперед! А я пока начну размораживать долбанную старушку…

– Мама… Стой! Послушай… не знаю, кто ты, но…

– У тебя две минуты. А потом готовься к просмотру семейного влажного видео…

Виктор умел принимать решения быстро. Бросив еще один взгляд на оживший шлем, что выглядел мертвой стальной отсеченной головой, он развернулся на пятках и тут же перешел на бег, пролетев коридор и выскочив на улицу.

– Первый, – выдохнул я. – Сучий, гнида, Первый… а че так просто-то? Че не дождался, пока я дойду до Темной Башни? Ну чтобы по всем сраным канонам… или тут такого нет?

– Есть. Аналог – Трон Оберона. Но ты стареешь, Оди… и раз за разом у тебя уходит все больше времени на такое простое дело, как прорыв с кровью и кишками через все препятствия для очередной дружеской беседы, что всегда заканчивается для тебя одинаково холодно и темно…

– Ну да… думаешь, я тебе поверю?

– Поговорим? Мое время ограничено… как и время этого мира-убежища…

– Поговорим, – пожал я плечами и обвел взглядом застывших бойцов. – Рэк…

– А?

– Оттащи сучьего Мэкса Скермиса на кухню и разговори его.

– С радостью, командир! – ощерился орк, вставая из-за стола. – Че бы придумать, чтоб не скучно было…

– Попробуй раскаленный арахис, – буркнул я. – Ссака. Каппа. Проверить периметр. Чтобы без чужих ушей. Шмякос! Еще компота и мяса! А ты… – я перевел взгляд на мутное от трещин дырявое бронезабрало. – Ты… ты говори…

Глава третья

– Этот мир погибает! Агония началась! – проскрежетал мертвый шлем экзоскелета и, сменив голос на тонкий женский, истошно проорал: – Спаси нас, о герой Оди! Спаси нас срочно! Мы подыхаем! А ты тут компот посасываешь…

– Хочешь, я окончательно раздолбаю этот шлем и утоплю его в ближайшем сортире? – поинтересовался я, уже через силу впихивая в себя последний кусок мяса.

– Да ладно тебе, дружище… ведь могут старые камрады перекинуться парой шуток? Как в те давние времена, когда мы бок о бок перебирали информационные запросы о спасении с тонущих островов, затапливаемых городов, умирающих новосозданных закатных сучьих королевств с их трахнутыми монархами с придуманными родословными… И каждый из этих запросов сочился липким вонючим страхом обделавшихся с перепугу ублюдков. И в каждом запросе делался особый нажим на их первоочередность, потому как в их тонущей общине особо много невинных детишек, беременных женщин и милых старушек с лучистыми мудрыми глазами… А стоит послать им эвакуационный транспорт, как первым делом в него трамбовались те самые монархи со свитой, чемоданами ценностей и тощими модельными суками для траха без малейших признаков беременности… Помнишь, как ты направил один из таких транспортников на мелководье и притопил? Как они орали, захлебываясь… Как они колотились в стальные стены… И в следующую эвакуацию в приземлившуюся машину первыми сели женщины с детьми на руках… Сработал твой посыл. Ведь все видели утопленников в вылезшем с мелководья транспортнике, что вывалил свой груз на том же месте, где и подобрал – рядом с толпой ожидающих эвакуации бедолаг. Снятые ими видеоролики с толпой дохляков тут же стали вирусными… Застывшее удивление

в огромных прооперированных глазах придавленной жирной жопой дохлого господина суки… В те времена законы еще кое-как действовали, и твоя наглядная карательная акция заставила Атолл изрядно постараться, чтобы убедить привычно верящую в любое налипающее на ее уши дерьмо с лапшой общественность о техническом сбое, приведшем к ужасной трагедии…

– Мне нужен молоток или чья-нибудь тупая голова, – проинформировал я слушающее окружение. – Хорхе…

– Молоток не знаю, сеньор, а дебилов вокруг полно. Найду влегкую. Тащить?

– Я тебе найду, сучий консильери! – озлился голос из шлема. – Твоей родни дальней и близкой у меня тоже полным-полном в личном холодильнике для мороженого!

– Не верь ему, Хорхе, – усмехнулся я. – Даже если он говорит правду – не верь. С таким, как он, договориться невозможно.

– А тебе откуда знать? – осведомился Первый. – Ведь ты считаешь меня фальшивкой.

– Верно.

– Тогда я – не он.

– Верно.

– Тогда ты нихера не знаешь меня! Я для тебя фактор непредсказуемый…

– Даже если ты говоришь правду о родне в морозилке…

– Бережно завернутой в блестящие фантики от пломбира с клубничной сочной начинкой…

– То все эти гоблины старательно разбросаны по миру и спрятаны в глубоких подвалах миров-убежищ. У тебя нет к ним доступа.

– Тут ты ошибаешься, Оди. Не спорю, что такие упертые властные суки, как Камальдула, правят немалым числом убежищ, но… есть и те, с кем у меня налажены теплые сексуальные отношения.

– Пусть так. Все равно посрать на твои угрозы. Ведь если ты все же тот, за кого себя выдаешь…

– Ну наконец-то!

– Или ты хотя бы часть его…

– Ха!

– То ты всегда поступаешь по-своему… Ты можешь пообещать сохранить жизнь каждого из родичей, широко улыбаясь просящему и одновременно отдавая через нейрочип приказ о немедленной казни.

– В этом мы с тобой похожи, Оди. Ты мясник и я мясник… может, хватит ласково слизывать друг с дружки подтухший мясной сок? Друзьями нам все равно никогда не стать…

– Ты же говорил, что мы друзья…

– Были ими, – согласился голос из шлема. – Были… И, может, даже все еще ими остаемся… Но это как пойдет… и есть у меня, сука, недоброе ощущение, что сегодня последний день нашей с тобой дружбы… до того момента, пока я опять не сотру тебе память… Может, потому я вдруг начал разговаривать в вашем разбитном сраном стиле мнящих себя крутыми упырков? Тугие комочки в однородной говнослизи…

– Болтай… болтай…

– Какой же ты упертый… не хочешь признать, что ты всего лишь зазубренный старый скальпель в моей окровавленной руке…

– Ты всего лишь хрипящий голос из смятой консервной банки… И тебе давно пора перейти к делу.

– Иначе что? – с нескрываемой насмешкой вопросил голос фальшивого Первого. – Огорчишься, развернешься и уйдешь? Покинешь к херам Формоз и вернешься к исследованию и прополке очищенного от человеческой проказы мира?

– Не очищенной. Там полно гоблинов.

– Разумное их количество. Обезьяны тоже важны для нормального функционирования кишечника природы. Должен же кто-то проталкивать дерьмо к спасительному свету в конце тоннеля… Но не будем о дерьме… Так что ты сделаешь, Оди? Уйдешь?

– Ты мне и ответь. У тебя же досье.

– На всех вас… всегда держу стопочку на уголке рабочего стола, выражаясь фигурально. А ответ… да… ты ведь реально долбанный упертый гоблин. Так что можешь посрать на все потраченные усилия по проникновению в Формоз и просто уйти. Но тогда получается – старый Рокс умер просто так?

– Ты тратишь мое время.

– Ты никуда отсюда не уйдешь, Оди, – отбросив наигранно-веселый вызывающий тон, голос Первого вернул себе холодную равнодушную звучность. – Ты останешься в Формозе и приложишь все, сука, усилия, чтобы добраться до центра первого мира-убежища! Сдохни, но сделай! И ты сделаешь! Или сдохнешь! Вот тебе мой ответ, гоблин!

– Ты мнешься, – вдруг понял я. – Мнешься как перед первым в своей жизни трахом. Не хочешь продолжать. И хочешь одновременно. Да тебя рвет на части, фальшивый долбанный эльф. Почему?

– Да… может и не хочу продолжать. Может и мнусь. В отличие от тебя, я не забыл нашу дружбу. А мы были друзьями! Более того – ты был единственным моим настоящим другом.

– Сейчас расплачусь… – рассмеялся я, скривив харю. – Может, и ты слезой брызнешь из пыльного шлема? Ты лжешь! В жопу дружбу, в жопу прошлое! Ты почему-то не хочешь продолжать… Почему?

– У меня к тебе простое предложение, Оди – не задавая лишних вопросов, выполни еще одно мое задание. Доберись до нужного места, впечатай вручную правильный пароль в один старый и надежно спрятанный терминал, следом введи всего одну команду… и я дам тебе шанс встретиться со мной лицом к лицу. Два старых друга… два старых врага… даю слово!

– Нет, – коротко ответил я. – Не верю. В одной Темной Башне я уже побывал.

– Кончилось не очень, согласен. Ну так я тебя не звал – ты сам приперся. Ладно! Назови цену! Я готов на большие траты… Оружие, техника, особые уколы, любая из действующих валют… Выбери что угодно, прилепи к этому слово «особое» – и получишь!

– Нет.

– Тогда чего ты хочешь? Свободу?

– Я и так свободен.

– Хм… у меня есть возможности даже здесь, Оди. И снаружи. Я всегда могу дотянуться до твоей наглой глотки…

– Именно. И однажды ты дотянешься – когда я тебе снова понадоблюсь. Мой ответ – нет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/dem-mihaylov/infer-6

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити